

Бох и Шельма (сборник)

Автор:

Борис Акунин

Бох и Шельма (сборник)

Борис Акунин

История Российского государства в повестях и романах #2

Две повести, входящие в эту книгу, являются художественным сопровождением второго тома «Истории Российского государства», посвященного ордынской эпохе. Действие первой повести «Звездуха» относится ко времени монгольского завоевания; действие второй повести «Бох и Шельма» – к периоду борьбы русских земель за освобождение.

Борис Акунин

Бох и Шельма (сборник)

© В. Акунин, автор, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Звездуха

Повесть

Часть первая

Война

О гибели богатырей русских

Широкая, покрытая снегом равнина вся сверкала на солнце, так что больно смотреть. Мальчик в драном тулупчике, с куском овчины на голове, заменявшим шапку, шел и жмурился, а иногда тер глаза – путь лежал навстречу солнцу, на восход. Внизу всё было белое, сверху голубое, сшитое между собой золотыми нитями. Но красота зимнего мира мальчика не радовала. Он сопел, злился на плетущегося сзади старика. Во-первых, тому было легче идти по уже протоптанному. Во-вторых, слепому не приходилось щуриться от нестерпимо яркого сияния. А в-третьих, дед нынче был не в духе, всё норовил ткнуть в спину посохом.

– Ты по дороге идешь иль напрямки прешься? Не сбился, дурья башка? Идем, идем, а встречных никого нет, – бурчал слепец. – Ноги-то не подымай, приволакивай. Разгребай снег, разгребай!

Получив очередной удар, мальчишка шмыгнул носом, зашуршал войлочными чунями, прокладывая тропку пошире. На прямой, как копье, дороге, обрамленной сугробами, снег был не такой уж глубокий – только тот, каким припорошило за ночь. Но с рассвета здесь еще никто не прошел, не проехал. Снежный покров был нетронут.

– Куды тащимся, – ворчал поводырь, ускоряя шаг – подальше от клюки. – Может, наврали тебе в Свиристеле, надсмеялись над калекой. Людей не видно, ничего не видно. Нет там никакого села. До ночи не дойдем – замерзнем в поле.

Морозец был легкий, покусывал небольно, будто игривый кутенок, но к вечеру щенок вырастет в лютого кобеля с острыми зубищами. До захода, впрочем, было далеко. День только начинался.

Палка впустую рассекла воздух – не достала.

– Дурень! Дорога есть – значит, куда-то ведет, иначе на кой она? И село есть. Называется Овчарово, там овчары живут. Большое село, богатое, с церковью да с колоколенкой. – Старик говорил бойко, будто сказку рассказывал. Он и был сказочник. – Вот за Овчаровым уж точно ничего нет, одна только степь, до самого края земли. А про Овчарово-село мне на княжьем подворье всё обсказали. Село новое, после половецкого замирения поставленное. Овчары легко живут, сытно. Землю не пашут, потому у них – луга с душистыми травами. Знай, овец с пастбища на пастбище гоняют да шерсть стригут. Церковь у них железом крытая, с медным колоколом. У попа свой терем со службами. И поп тот большущий охотник до былин и сказок. Пока все не переслушает, от себя не отпустит. Если повезет, там, в Овчарове, и перезимуем.

– Лучше бы в Свиристеле перезимовали. Ладный город.

– Ладный-то ладный, да вишь князь с княгиней какие, – вздохнул слепец, поправляя за спиной мешок с гусями. – Щедрый, ласковый, а привередливый. Какую сказку ни начни – говорят, знаем, другую давай, какой не слыхивали.

– Так насочинял бы новых. Не пришлось бы тащиться по холоду невесть куда.

– «Насочинял бы». Будто это орехи щелкать.

– Нащелкаешь ты орехов, без зубов-то, – одними губами прошептал парнишка.

Но слух у калеки был острый – услышал.

– Поговори, куренок!

Посох опять впустую рассек воздух.

Преппирательство было привычное, не для ругани, а чтоб не заскучать от долгой ходьбы.

Пожевав морщинистыми губами, потеряв рукавом заиндепевшую седую бороду, старик пробормотал:

– ...И то, чем снег без толку месить. Сочиню-ка. А ты запоминай, слышь?

Память у калики в последнее время начинала слабеть. Старые былины и песни хорошо помнил, а новые, случалось, забывал. Это обидно, особенно если хорошо сочинилось. Но у мальчишки, даром что дурак, память была цепкая. За то его сказитель и кормил. Поводырствовать всякий может, а чтоб длинный сказ в точности повторить и ничего не перевернуть – это от Бога. В добрую минуту, хорошо поев и обогревшись, слепец говаривал: «Повезло тебе, Савша. Вот помру я, а тебе с зеленых лет верный кусок хлеба останется. Сам ты сказок не сложишь, но тебе и моих до скончания жизни хватит. Глаза только себе выколи – люди больше давать будут. На кой они, глаза? Суета от них одна и завидство».

– Про битву на Калке-реке любят, – заговорил сам с собой былинник. – Но про нее все нынешние поют. Князь вон и слушать не стал. Надо бы Калку эту как-нибудь поновить... Перевернуть, чтоб заиграла...

Мальчишка шел, помалкивал. Знал: сейчас мешать нельзя.

– Хороший сказ, какой люди любят, он что? – продолжал рассуждать слепой. – Чтоб был с богатырями и красавицами, это беспрременно. Чтоб со слезой – бабам поплакать. И с надеждой в конце, а то и поколотить могут.

Помычал, поболботал неразборчивое, попробовал напеть сначала басисто, потом тонко, жалобно. Откашлялся.

– Ну, слушай, Савка. И гляди у меня, если переврешь... Запущу я про Калку вот как, никто еще так не сказывал. Все говорят: на Калке проклятой русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Попович Алеша голову сложили. Но как сложили, никто не знает.

– А ты знаешь? – с любопытством обернулся поводырь.

– «Быль о гибели богатырей русских», – торжественно объявил былинник, не слушая. Сбился, опять забормотал: – Сначала про Божью кару спою. Как Господь за грехи наши прогневался, степное лихо наслал. Это можно из «Былины о Святославе Гориславиче» взять, только «поганых половцев» на «поганых татаровей» поменять, а Тугарина на Субудай-хана, и ладно будет. А потом сразу про то, как богатыри с женами прощались.

И затянул, приноравливая медленный напев к таким же небыстрым шагам:

– «У Ильи жена – дочь кузнецкая, а по имени Марья Ниловна. Говорит ему, сама плачется, слезы горькие утираючи: «Ты возьми, Илья, крестик кованый, да повесь его под рубахою. То железный крест, он с молитвою, с наговорами мною выкован. Коль навалится сила лютая, сила грозная, несразимая, ты сорви с груди крест намоленный, да коснися им до сырой земли. Земля-матушка тут расступится, заберет тебя, упасет тебя. Обратишься ты малой семечкой и спасешься тем от погибели».

– Илья Муромец – малой семечкой? – недоверчиво спросил мальчик.

– Никшни! Повтори лучше, верно ли запомнил.

Поводырь повторил слово в слово.

– То-то. Дальше слушай. «У честного Добрыни Никитича – Евпраксия жена, лебедь белая, пава райская, дочь боярская. Повязала снурок, нить шелковую, на снурке на том мала ладанка. «Гой ты, сокол мой, мил Добрынюшка, знать нескоро нам с тобой свидеться. На погибель ты отправляешься, биться с ворогом несчисляемым, с ратью страшною, сатанинскою. Но когда от ран изнеможешься, когда верный меч переломится, разорви снурок из последних сил, да подбрось заветную ладанку. Ты взлетишь за ней ясным соколом, в облака взлетишь, в небо чистое. Не пронзят тебя копыя острые, не догонят стрелы каленые». Ну-ка!

Парнишка старательно пропел весь кусок, стараясь, как и сказитель, говорить за «лебедь белую, паву райскую» тоненьким голосом.

– Теперь про Алешу Поповича. «А Алешу, сына поповского, провожала девка пригожая – черноглазая, ведьмоватая, с половецким полоном добытая. И взяла она кольцо медное, трижды молвила слово тайное, и надела тот перстень

лю?бому через лево плечо да на малый перст. «Если гибель придет неминучая, помяни меня, девку грешную, да стряхни кольцо в зелену траву – только тем от смерти избавишься. Обратишься ты змейкой медною, уползешь подземь, в норы темные, а враги твои ненасытные так голодными и останутся ...» – Старик оборвал пение, деловито сказал: – Ну, про битву-бой я из старого намешаю. – И скороговоркой: – «Как махнет Илья саблей вострою, так прорубит повдоль переулочек, вдругорядь махнет, раззадорившись, средь татар откроется улица» и всяко такое. Это ладно... А в конце опять запущу новое. «Налетают злые татарове, рубят саблями, колют копьями. И повытекла у Илюшеньки из глубоких ран чиста кровушка, нету мочи щит от земли поднять. Из последних сил Илья Муромец кинул оземь крест свой намоленный, и за тем крестом сгинул со свету, в один миг исчез, будто не было». Так ладно будет, с Ильей. А Добрыню с Алешей пускай татарове в полон возьмут, как наших князей взяли. «Навалились татары бесчисленно на Добрыню с Алешей Поповичем, стали руки вязать, руки белые, стали петли тугие закидывать. Как на левой ручке Добрыниной сразу сто татар висом свесились, а за праву руку могутную аж полтысячи уцепились».

– Не много будет – полтысячи? – засомневался Савва.

– Не мешай! «С левой рученьки лютых ворогов сотряхнул Добрыня, изладился, но десницу свою, сколь ни тужился, от татар поганых не вызволил. Делать нечего. Разорвал снурок, вскинул ладанку ажно до неба, и взлетел Никитич за ладанкой ясным соколом в небо синее».

Мальчик задрал голову. Небо было синее, и в нем летала птица. Только не сокол – ворон.

– А Попович что? Тоже одну руку высвободил?

– Нет, он же слабее Добрыни. «Повели Алешу плененного к Субудаяю-хану поганому. Субудай сидит, не мед-пиво пьет, пьет из чаши кровь христианскую. Ликом черен он, гласом рокотен, тушей будет с башню настенную. Не на троне сидит, не на бархате – на князьях-боярах закованных, татарвою в плен заарканенных. «Подходи, – говорит он Поповичу, – я тебя, молодца, припожалую. Поклонись ты только Дьяволу, отрекись от веры отеческой, а уж я тебя, добрый молодец, одарю щедря златом-серебром, будешь первым моим воеводою. А не примешь веру поганую, задавлю с князьями-боярами».

Парнишка слушал, шевеля губами – запоминал.

– Ну, дале ему Попович из «Былины о князе Владимире Красном Солнышке» скажет, про Сатаны прислужников и поганство, – прикидывал вслух сказочник, – в самый раз подойдет. Помнишь?

– Помню, помню. Ты дальше сказывай. Что с Алешей было?

– «Ухватили татары Поповича, наземь кинули, к прочим пленникам. Сами все с Субудаем уселися, знай, пируют, собой похваляются. Скинул тут Алексей кольцо медное, половецкой девкой даренное. Обратился змеей ядовитой, да подполз к владыке поганому, укусил его под коленку. Опрокинулся царь неправедный, очи выпучил, язык высунул, и подох, скотина поганая, околел – туда и дороженька».

– Так его! – закричал Савва. – Ай, хорошая былина!

– Погоди, не всё еще. Былина выйдет совсем складная, если под конец такое запустить, чтоб все призадумались. Ты свое допел, а они в затылке чешут, вздыхают.

Старик остановился, уперся посохом в снег, на время умолк.

– «Наказал Господь войско русское, за грехи и вины великие, и татаре, семя бесовское, стали Господу Богу ненадобны. Дунул Он из Града Небесного, и смело всю силу татарскую. Побежала она, укатилась на восход, откуда явилася. С той поры и духа татарского на земле нигде не осталось. Но и Русь, по Божьей немилости, без защиты ныне сиротствует. Где ты, где ты, рать богатырская? Где вы, русской земли охранители? Из земли растет Илья Муромец, к свету тянется-пробивается, один Бог решит, когда вырастет. И Никита, сокол лазоревый, в облаках летает да мечется. Не сыскать ему, острокрылому, до Руси дорогу обратную. Чешуей блестит, извивается, через степь ползет змейка медная. Далеко ей, чай, пресмыкаться, через степи, реки да паводки. Ты расти скорей, мил Илюшенька. Ты летай-лети, мил Добрынюшка. Ты ползи, ползи, мил Алё...»

Оборвав сказ на полуслове, слепой вдруг умолк и потянул носом воздух. Нюх у него был еще острее, чем слух.

От густого кустарника, что торчал прямо из придорожного сугроба, потянуло ветерком, и старик что-то учуял.

- Кислым несет, - сказал он. - Овца заплутала?

Мальчишка прикрыл глаза ладонью от солнца.

- Не видать.

- Что ты врешь? Вон там, близко! - Сухой палец показывал прямо на ракитник. - Что там?

- Кусты.

- Поди, поищи. Коли овца - наша будет. Иди, песий сын, пока палкой не огрел!

Паренек присмотрелся к кустам повнимательней, но все равно ничего не увидел. Вздохнул, все-таки пошел. Старик был настырный. Втемяшется какая блажь - не отвяжется.

Короткая толстая стрела без оперения ударила мальчика точно в переносицу. Он и не вскрикнул. На землю упал уже неживым.

Прямо из сугроба, весь залепленный снегом, поднялся человек: плотный, сутулый, одетый в косматую шкуру, с коротким луком в руке. Узенькими глазами-щелками он смотрел на беспокойно топчущегося слепца. Чего-то ждал или, может, колебался.

- Упал? - сказал былинник, вращая бельмами. - Вставай, что лежать-то? Эй, Савка!

Убийца опустил лук, спрятал обратно в колчан приготовленную стрелу. Повернулся, пошел прочь.

– Куда ты? – переполошился калека. – Саввушка! Обиделся? Прости старика грешного! Не по злобе ругаюсь! Саввушка! Не бросай меня! Пропаду я один!

Чужой человек обернулся на жалобно причитающего старика. Остановился.

Слепой услышал, обрадовался.

– Так-то лучше, Саввушка. Ступай ко мне. Вишь, я сказку какую сложил – в селе заслушаются. Угостят, обогреют.

Косматый со вздохом снова достал стрелу. Коротко, со звериной грацией вскинул лук. Тетиву с малого расстояния натянул слабо, она даже не тренькнула.

– Иди-тко сюда. Я тебе коврижки медовой откусить дам, мне свиристельская княжна подари...

Манул из рода Манулов

За тридцать с лишком зим сплошных войн и походов сердце у Манула так и не зачерствело, а, как известно, человеку от доброты один убыток. Несчастный ульгэрч-сохор, слепой сказитель, опасности не представлял. Ничего не видит, ничего никому не расскажет. Но он так испуганно причитал, так метался на пустой дороге, что Манул поддался жалости. Что будет с одиноким стариком, когда по снежным полям пройдет железный Нижнеорхонский тумен? Кто приютит калеку? Кто объяснит, что творится на свете?

Мягкосердечие обошлось Манулу во вторую калгу кряду. Калга – беззвучная стрела с плоским костяным наконечником, который при попадании в цель

расщепляется, второй раз не используешь. Стоит такая стрела дорого. Собираясь в разведку, Манул, как положено, наполнил колчан одними калгами. Летят они бесшумно, разят наповал. Нет ничего лучше, когда нужно убить косылу, не напугав остальное стадо. Или снять дозорного.

Эх, надо было саблей, запоздало посетовал Манул. Вытер бы клинок о снег – и всё.

Когда вдали на белой дороге показались две черные точки, Манул велел десятку спрятаться в овражке, а сам зарылся в сугроб у обочины. Старик с мальчишкой шли медленно. Пока дотащились, намерзся.

Но это ничего. Пятнадцать или больше зим назад, когда воевали в Хорасане, отрядили Манула следить за войском султана Джелала. Зарылся Манул в горячий песок бархана и сидел там, пока мимо не проследовала вся длинная колонна всадников. Сварился, как куриное яйцо, когда китайцы запекают его в золе. Сделался такой же багрово-лиловый. Нет, холод лучше, чем жар. Добрее, привычнее. Потому монголы и любят воевать зимой. Зимой замерзают реки и болота. Зимой на белом далеко видно. Зимой раны меньше болят и не загнивают.

Вернувшись к овражку, нукерам он ничего не сказал, просто кивнул: по седлам. А Звездухе, подойдя, шепнул на ухо: «Потерпи, вечером дам тебе вареного овса».

Кобыла нежно толкнула его мордой, кивнула головой с белым пятнышком на лбу – по этой звездочке и получила своё имя. Звездуха любила вареный овес, теплый. Но могла питаться и сухой травой, даже палыми листьями, которые сама добывала из-под снега, разгребая его копытами. Никогда не капризничала, не жаловалась.

Была она неказистая, на бегу не сказать чтоб быстрая. Но простому десятнику казистую лошадь держать и не по чину. Сотник позавидует – зачем это нужно? А что не быстрая – зато умная и проворная. Если надо кого догнать или, наоборот, уйти от погони, Звездуха выберет самый лучший путь, а это важнее скорости. И не споткнется.

Ближе Звездухи у Манула на свете никого не было. Даже не то чтоб ближе. Вообще никого больше не было. Только они двое.

Коня обычно как отбирают? Захлестывают арканом двухлетка и объезжают, приучают ходить под седлом, слушаться узды. А в два года лошадь уже взрослая, с характером, с самоуважением. Чтобы такую к покорности привести, ей надо дух сломать. Но конь со сломанным духом все равно что человек со сломанной душой. Все равно что богол, раб, даже хуже. Богол хоть о свободе мечтает.

Звездуху Манул присмотрел еще жеребенком. Долго ходил за выводком, наблюдал. Как-то раз молодняк стоял на крутом берегу реки. Хотят пить, а спуститься не умеют. И вдруг одна чубарая, рыжая, со звездочкой на лбу отчаянно тряхнула гривой, да и сиганула вниз. Упала на мелководье неловко, боком, но даже не всхрапнула. Встала и начала пить. Тогда-то Манул и решил: моя.

Ходил к ней в табун каждый день. Лакомил с руки вкусным, играл, разговаривал – чтобы полюбила его голос и научилась понимать слова. Спал с ней под одной попоной. И скоро кобылка уже сама, завидев Манула, бежала навстречу. Ходила за ним, как собачка. Обижалась, когда уходил.

Первый раз он сел на Звездуху, когда она окрепла, наполнилась силой. Молодка только развеселилась, восприняла это как очередную игру. Манул сжал ее бока коленями – повернула голову, сочла за ласку. Так, играючи, и выучилась языку скачки.

Скоро десять лет, как они вместе. Прокатились круглым кустиком-хамхулом по всей великой Степи, от края до края. Где только не бывали. Сравнялись в возрасте, потому что у лошадей век короче. Оба уже немолодые, но еще крепкие. И умные, жизнью ученые. Людей, кто умнее Звездухи, еще поискать надо, а про лошадей и говорить нечего. Манул не променял бы ее даже на саврасого жеребца высокородного Гэрэл-нойона. Ни на что не променял бы. Тому, кого любишь, все богатства мира не замена.

Один нукер спросил:

- Далеко еще до города русов, Манул-мэргэн?

Манул – дикий степной кот. Десятника так звали не потому что похож – кошачьего в нем совсем ничего не было, а потому что происходил из рода Манулов. В детстве звали иначе: Молчун. Он был неразговорчив, всегда сам по себе, вот и назвали. Когда приезжал к своим на побывку, снова становился Молчуном. Но в родном нутуге он бывал редко. Когда юнцом поступил в войско великого Чингисхана, да будет его память священна, во всей сотне из рода Манулов был он один, ну и превратился просто в «Манула». Потом, когда постарел, сделался десятником, младшие стали прибавлять «мэргэн» – меткий стрелок. Стрелял Манул и правда лучше всех в сотне, а хороших лучников в сотне хватало.

- Час рысью. Если вчерашний лазутчик не соврал, – ответил Манул. – Рассыпаться по полю, глядеть в оба! Чуть что – сами знаете.

Десяток алгинчи, один из передовых дозоров тысячи высокородного Гэрэлнойона, которая, в свою очередь, была передовым отрядом Нижнеорхонского тумена, авангарда всей великой армии, вытянулся цепью по обе стороны от дороги. Расстояние от всадника до всадника – полсотни шагов.

Сам командир ехал посередине, прямо по дороге, что вела в город русов. Из него, как сообщил лазутчик, ведет только два торных пути: один сюда, на восток, другой на запад. Но западную дорогу должен перекрыть десяток рябого Нохоя. Обойдут город степью – и закупорят, как кубышку. Никто из города не выберется, весточки остальным русам не передаст. В начале войны, если враг не ждет нападения, всегда так делают. Это уж потом, когда начнется переполох, к вражескому хану или князю шлют посланцев, согласно Великой Ясе: смиритесь или умрите. Но первый вражеский город лучше взять с наскока.

Ночью захватили большой поселок, но это было просто, потому что поселок – не город. Ни стен, ни гарнизона. Кто из крестьян попробовал убежать, всех догнажи. Зимой легко догонять – следы на снегу. В город о нападении сообщить было некому. И нынче Манул получил обычный для алгинчи приказ: всех

встречных убивать. Нужно, чтобы город не насторожился, не затворил ворота.

Шуба у Манула из белого барана, малахай из белого яка, Звезда укрыта белой попоной. Издалека, да против солнца, Манула заметить трудно, а ему всё видно. С годами глаза стали еще зорче, чем в молодости.

* * *

На пути встретили людей еще один раз.

В поле, где летом, верно, был луг, стояли укрытые скирды, и двое, мужчина и парень, накладывали сено в повозку. Монголов они заметили, когда те подъехали уже совсем близко.

Русы были непуганые – знать, давно из Степи никто не набегал. Уставились на конников, быстро приближавшихся на низких мохнатых лошадях. Лишь когда Звезда, послушавшись легкого сжатия коленей, пустила вскачь и Манул с тихим, приятным шелестом выдернул из ножен саблю, мужик – рослый, с широкой, наполовину седой бородой – понял, выставил вперед вилы. Крикнул что-то парню, тот спрыгнул с повозки, побежал прочь по целине.

От взмаха вил Манул уклонился, разрубил бородачу голову клинком превосходной дымчатой стали. Сабля, как Звезда, была собой невидная, но отменная. Прочнее алмаза, острее китайской бритвы. Когда брали богатый город Самарканд, Манул снял ее с убитого бека. Нарочно заменил золотую рукоять на деревянную, украшенные камнями ножны – на простые кожаные. Чтоб никто не позавидовал.

Нукеров, которые хотели погнаться за юнцом, Манул остановил. Стрелу тратить тоже не позволил.

Был у него в десятке молодой болгарин из недавнего пополнения. Совсем неопытный, никогда еще не убивал. Его и послал, сказав ободряющее слово.

Булгарин (имя ему дали Сувар, по названию города, где взяли в войско) погнал коня и быстро поровнялся с бегущим. Махнул саблей – мимо. Парень повернул, заметался зигзагами, будто заяц. Сувар опять за ним. Но когда человек знает,

что будут рубить, и оглядывается, достать его клинком не так-то просто. Второй, третий, четвертый раз Сувар наезжал на руса, да всё промахивался. Нукеры кричали обидное, но Манул их устыдил: забыли, как сами первый раз человека убивали?

Игра, однако, могла закончиться плохо. Рус бежал не куда глаза глядят, а к балке. Скатится по склону – гоняйся за ним потом. Только время тратить.

Манул вынул лук, прикинул расстояние, силу и направление ветра. Стрелы дальнего боя, хоорцахи, были у него во втором колчане, притороченном к седлу. Целился тщательно – нужно было попасть вертлявому беглецу точно под затылок. Чтобы убить сразу и хоорцах не попортить. В юности позвонки на шее тонкие, не должны погнуть острие.

Воины восторженно завопили. Выстрел был хорош. Но Манул позволил себе довольно улыбнуться, только когда, свесившись с седла, выдернул хоорцах и убедился, что тот цел.

Убитый будто решил приподняться вслед за стрелой, да передумал, снова упал головой в снег. Удивленно открытый глаз смотрел на брызги – алые на белом.

Что за день, вздохнул Манул, застегивая колчан. Двух подростков убил. Плохая примета. Бог смерти Эрлэг, когда его кормят детьми, раззадоривается, будто тигр, отведавший человеческого мяса. Может и на охотника накинуться.

У Манула с Эрлэгом отношения были давние, трудные. За стариков и старух бог смерти награждал, они и так зажились на свете дольше нужного; женщин плодородного возраста брал, но морщился; мужчинам, если молодые и сильные, радовался. А детская кровь действовала на бога смерти, как хмельной архи.

Звезде покойник тоже не понравился, она зафырчала, нервно повела ушами.

– Ничего, – сказал ей Манул. – Вернемся в лагерь – покормим Эрлэга, доволен будет. А пока вот ему.

Он достал из торбы хурут, сушеный творог, который взял себе на обед. Половинку отломил, перетер пальцами, развеял по ветру, шепча: «Тебе, Эрлэг,

прими. После еще дам. Ты меня знаешь, я никогда не обманываю».

Уныло сидевшего в седле болгарина, проезжая мимо, хлопнул по плечу – не тушуйся, убивать еще много придется. Война.

Махнул остальным: едем дальше.

Вскоре после того, за косогором, показалась ледяная река, над ней – высокий берег, и там, в двух полетах стрелы, русский город. Первый, какой довелось видеть Манулу.

* * *

Городов на своем веку он насмотрелся самых разных, все и не упомнить: тангутских, китайских, хорезмских, персидских, индийских. Но такого удивительного еще не встречал.

Поразил русский город не величиной – нет, он был совсем маленький, на коне медленной рысью объедешь за четверть часа, и то много будет. Но никогда еще, ни в одном царстве десятник не видывал, чтоб город целиком был выстроен из дерева. Стены, башни, дома – всё.

В родной степи домов не было никаких, только юрты. В чужих царствах – глиняные, каменные, иногда кирпичные. Но дерева везде не хватало, оно стоило дорого. А тут – вон какое расточительство. Должно быть, здесь богатая страна. Повезло Бату-хану, что при разделе мира ему достался Запад, самой ближней частью которого является Русь.

Лазутчик-половец рассказывал, что это пограничное княжество маленькое и слабое, захватить его будет совсем легко. Говорил он и как называется город. Но название ни произнести, ни запомнить – похоже на свист одора, тяжелой стрелы, которой пробивают доспехи.

Переехав реку по льду, Манул велел воинам рассредоточиться вдоль кромки обрыва и не высовываться. Поставил далеко друг от друга, чтобы охватили город полукругом и затаились. Сказал: можно поесть, но огня не разводить и глядеть в оба. У всех было по две шубы, верхняя и нижняя, теплые овчинные

штаны, войлочные или меховые унты, хорошие малахаи. Не замерзнут, даже когда к ночи заходит.

Сам улегся на краю спуска, стал смотреть внимательней.

Стены не шибко высокие. Толстые бревна зарыты торцом в землю, меж острых концов удобно укрываться стрелкам.

Башня над воротами четырехугольная, там блестит шлемом часовой. Ходит. Пускай ходит, ничего против солнца не увидит.

Есть ров. Он замерз, но скаты посверкивают льдом. Поливают их, что ли? Это плохо. Зато мост спущен, ворота нараспашку. Это хорошо.

Интересно было вот что. Вокруг всей стены по сю сторону рва зачем-то сложены большие поленницы дров. Это совсем хорошо. Если не получится захватить город слету, за поленницами отлично укроются лучники. Ни один рус со стены не высунется. А кто попробует – пожалеет.

Река опоясывала город полукругом. Точно так же был расположен в Китае этот, как его, Сянлун? Только китайский город был весь глиняный и раз в двадцать больше. Чингисхан в мудрости своей решил не ходить на приступ, не губить монгольских жизней. Согнал со всей округи крестьян, десять тысяч человек. Ночью они бросили в воду каждый по десять мешков земли и перекрыли реку. Она потекла на город и затопила его. Гарнизон сдался. Никто из нукеров не погиб, только зарубили сто или двести крестьян за медленную работу.

Про взятие китайского города Манул вспомнил просто так, без умысла. Крестьян в этих малолюдных краях столько не сгонишь. К тому же зима, река подо льдом. А главное – зачем терять время? Такую мелочь, да еще врасплох, можно взять на саблю, с разгона.

Больше высматривать было нечего. Пора назад, с донесением.

Оставив вместо себя самого опытного из воинов и повторив ему еще раз: никого не пропускать ни в город, ни из города, Манул сел на заскучавшую Звездуху и

помчал обратно – весело, с ветерком.

Ночью, под покровом темноты, вся передовая тысяча переместится на лед реки. А утром, как только опустят мост, стремительная лава пронесется по открытому пространству, влетит в открытые ворота. И первый русский город станет монгольским.

Великая Яса

По дороге, чтоб не было скучно, Манул разговаривал со Звездухой. Верней, говорил он, она слушала, иногда соглашаясь, иногда нет. И никто на всем белом свете не убедил бы Манула, что лошади просто нравится звук его голоса. Всадник знал, что она его понимает. Бывает, и вовсе без слов.

– Мы оба немолоды, – говорил десятник. – Нам с тобой надоела такая жизнь. Скачи тысячу газаров на юг, потом десять тысяч газаров на восток, убивай людей, которые тебе ничего плохого не сделали, сжигай города, которые тебе ничем не мешают.

Звездуха потрянула челкой, удивляясь. Ей походная жизнь не надоела. Другой жизни кобыла не знала. Она думала, по-иному и не бывает.

– Ты просто забыла. Давно не паслась в родных степях, давно не ела сладкой травы с берегов Орхона. Ничего, это самая последняя война. Великий курултай постановил завоевать всю землю, расположенную меж четырьмя океанами, и поделил ее на четыре улуса. Нашему хану Бату, сыну великого Джучи, который был сыном великого Чингисхана, достался весь Запад. Мы дойдем до Западного океана, другие улусы дойдут до Восточного и до Южного, а Северный океан никому не нужен, потому что там холодно и нельзя жить. После этого мир

станет одной державой, повсюду воцарится один справедливый закон Великой Ясы, земля задышит одним дыханием, будет думать одной головой. Больше не будет голода, войн, беспорядков. Нукеров великого войска щедро наградят. Кто захочет остаться в завоеванных краях, получит по табуну лошадей, по отаре овец, по три жены и по десять боголов. А десятники вроде меня станут для новых подданных великого хана нойонами. Но я не хочу быть нойоном в чужой стране, я не хочу никем повелевать, хочу провести старость у себя дома. Неужто ты правда не помнишь, какие красные восходы у нас в степи? Как журчит речная вода? Как стелются под ветром серебристые травы?

Звездуха всхрапнула.

– Ничего. Увидишь – вспомнишь. Будем с тобой жить на покое да радоваться. Жену заведу одну, трех мне не надо, стар я уже для трех. А для отцовства еще не стар. Будут у меня дети. Пообещай, что не будешь ревновать. Жену я, как тебя, любить не буду, а дети – все равно что часть меня.

Лошадь, не сбавляя рыси, низко опустила голову. «Схоронишь меня – живи с кем хочешь», – так ее понял Манул.

– Зря ты. Лошади на покое и двадцать лет живут, и больше. Вместе состаримся. Если помрешь раньше, не дам содрать с тебя шкуру, отрезать копыта. Похороню на том самом берегу, с которого ты тогда, жеребенком, прыгнула в Орхон. И велю, чтоб там же зарыли и мои кости. А если первый умру я, завещаю содержать тебя в сытости и почете.

«Ты умрешь – и я умру, – шумно вздохнула Звездуха. – Пусть меня сразу с тобой закопают».

Всадник растрогался. Потрепал лошадь по рыжей гриве.

– Ладно, мы с тобой пока живые. Поднажми, милая. Нойон заждался.

Тысячник сидел в походной кибитке, собирал донесения от передовых дозоров, посланных в шесть разных концов.

Лагерь был разбит около захваченного прошлой ночью поселка, в укрытой от ветров лощине. Проезжая меж бревенчатых русских домов, Манул увидел на снегу зарубленных стариков и старух. Они лежали аккуратно, по трупу через каждые двадцать шагов. Их убили для наглядности: чтобы местные были покорны. Так делают всегда. Чужие старики и старухи – зачем они? Какой от них прок?

В кибитке было почти так же холодно, как снаружи, поэтому Гэрэл-нойон сидел на возвышении из войлоков, одетый в лисью шубу с золотыми пуговицами. Теплые гутулы, правда, скинул, остался в белых замшевых чаруках. Отороченная мехом шапка тоже лежала рядом. Поблескивала чисто выбритая макушка, на которую через откинутый полог светило солнце. Челка на лбу и заложенные за уши косички лоснились от молодости. Нойону было всего двадцать зим, на его румянном лице едва пробивались тщательно намащенные усики.

А Манул за красотой не следил – раз в луну соскребал с головы и с лица растительность острой саблей. Меньше волос – меньше вшей.

Упав у входа на колени, он ткнулся щетинистой башкой в войлочный пол. Порядок, установленный Чингисханом, да будет священна его память, предписывает почитать вышестоящих, потому что на уважении к власти держится гармония вселенной. Когда-то, во времена Манулова детства, никто перед нойонами не кланялся, всякий монгол мнил себя вольной птицей. Проклятое было время. Сейчас много лучше. Поклонишься большому человеку – колени не переломятся и лоб о мягкий войлок не разобьется. Гэрэл-нойон к тому же не просто тысячник, он – сын самого Чингисхана. Правда, поздний, и не от жены – от младшей наложницы, так что и ханом не зовется. Но все равно – царевич. Над его палаткой торчит бунчук не просто двойной, как положено всякому тысячнику, а с хвостами белого цвета, знаком царской крови.

– Вот и пятый вернулся, трехбровый татарский кот, – сказал тысячник, когда Манул распрямился, сел на корточки. – Рассказывай.

Что «трехбровый» – не обидно. У Манула через всю левую половину лица, сверху донизу тянулся старый сабельный шрам, рассекая бровь на две части. Что

«кот» – тоже ничего. Манул и есть кот. А вот что «татарский» – это было горько. Десятник хоть и ослабился, но по сердцу пробежал холодок.

Сто зим служи верой и правдой, в навозную лепешку разбейся, а не забудут.

Манул был хоть и монгол, но проклятого татарского корня. Татары когда-то сгубили Чингисханова отца и дольше всех прочих степных народов не покорялись великому объединителю.

Одно из самых страшных в Мануловой жизни воспоминаний было такое.

Сорок зим назад в сражении с Чингисхановым войском полегла последняя татарская рать. На следующее утро курень окружили чужие всадники, говорившие меж собой не по-тюркски, как татары, а по-монгольски. Девятилетний Молчун тогда понимал этот язык с пятого на десятое.

Всех мужчин, кого нашли, победители убили сразу. Мальчишек одного за другим подводили к повозке, ставили около колеса. Кто оказывался выше – рубили. Кто ниже – отгоняли в сторону, чтобы отдать на воспитание. Молчуну не хватило до верхнего обода полпальца.

Так он первый раз ощутил затылком холодное дыхание бога смерти Эрлэга, но не погиб, а попал к манулам. Они тоже были татары, но умные – вовремя переметнулись на сторону Чингисхана и уцелели. Однако и на манулах лежало пятно татарства. Великий Чингисхан, да будет священна его память, объявил все степные племена единым народом – монголами. Так-то оно так, но монголы бывают первого, второго и третьего разряда. Если в твоих жилах татарская кровь, выше десятника не поднимешься, не мечтай. А Манул и не мечтал.

* * *

Донесение нойон выслушал жадно, нетерпеливо.

– Я так и знал! – воскликнул он. – Пустяковое дело. Нечего ждать темноты! Лошади отдохнули. Надо сниматься с лагеря. Через три часа доскачем до города, а еще через час он будет наш!

Сбоку от тысячника сидел длиннородый старик с неподвижным лицом, будто вырезанным из дубовой коры.

– Это только пятый десятник, – мягко произнес он. – А посланы шестеро.

Гэрэл обернулся к нему, но старик больше ничего не сказал. Это был мудрый человек, шаман, приставленный к сыну великого хана, чтобы учить его закону и предостерегать от ошибок. Звали шамана Калга-сэчэн. «Сэчэн» означает «мудрец», а имя «калга» старик получил за то, что был, как молчаливая стрела, которой снимают вражеских часовых. Он говорил кратко и редко, но метко.

– Да, дождемся последнего десятника, – согласился нойон. Он всегда соглашался с Калга-сэчэном.

Но еще раньше прискакал нукер Медведь, которого Манул оставил вместо себя за старшего.

Он вбежал в кибитку, запыхавшийся от быстрой скачки и, увидев Манула, поклонился ему, а не тысячнику – так предписывал устав: нельзя обращаться к высшему начальнику через голову непосредственного командира.

– Манул-мэргэн, нехорошо! Через час после того, как ты уехал, в полдень, в городе загудела медь. Русы забегали по стенам, затворили ворота и подняли мост! Я гнался за тобой во весь опор, но не догнал!

– Вы себя выдали?! – грозно спросил нойон.

Вот теперь нукер, раз уж на него обратил внимание сам тысячник, повалился головой в войлок.

– Нет, гуай. Мы сидели и не высывались. Это, наверное, люди Нохоя, засевшие с другой стороны.

Но почти сразу же снаружи вновь застучали копыта, кто-то шумно спрыгнул наземь, крикнул: «Срочное донесение!» – и в шатер вбежал сам рябой Нохой.

– В городе тревога, гуай! – крикнул он. – Наверно, люди Манула себя выдали!

Здесь он поднял голову, увидел Манула и осекся.

Нохой был человек плохой, двоедушный, хуже своего имени, которое означает «Собака». Говорил ласковые слова, улыбался, но в улыбке был яд.

Хорошо, что Медведь поспел первым. Пускай Гэрэл-нойон сам решает, кто виноват.

Однако тысячник не рассердился, а обрадовался.

– Что ж, – довольно молвил он. – Знать, такова воля Тенгри. Возьмем стены штурмом. Бейте в барабаны! Выступаем!

И Манул понял. Захватить город врасплох – заслуга небольшая, честь невеликая. Слава достается тому, кто пролил много крови.

– Когда враг ждет нападения, Великая Яса предписывает отправить посланцев с разумной, мирной речью, – молвил Калга-сэчэн очень тихо, так что Манул едва расслышал.

Гэрэл нахмурил красивые, будто два тугих лука, брови. Задумался. Не хочет, чтобы русы сдались без боя, догадался Манул. Но и нарушать закон не осмеливается.

Взгляд молодого военачальника почти сразу же прояснился.

– Мы сделаем, как положено. Но посланец будет говорить с русским нойоном грубо и объявит условия, с которыми нельзя согласиться.

– Условия менять нельзя, они определены Великой Ясой, – прошелестел шаман. – Изъявление покорности и десятина.

– Я знаю закон! – Тысячник улыбался, очень довольный тем, как ловко он придумал. – Мой посланец скажет слово в слово вот что. «Все жители города во главе с нойоном должны выползти на коленях за ворота и склониться лбами к земле в знак покорности перед ханом Бату. Десятая часть мужчин станет рабами

и носильщиками при монгольском войске. Десятая часть молодых женщин отправится в монгольский лагерь, чтобы потешить воинов. Если у нойона русов есть сыновья, старший станет мне прислужником. Если есть дочери, одну возьму себе в наложницы. И жену пусть тоже пришлет, посмотрю, хороша ли». Ну как? – обернулся он к шаману.

– Никто на такое не согласится, – ответил тот.

– Вот и хорошо. Разве мои условия противоречат Ясе?

Калга-сэчэн неодобрительно покачал головой и ничего не сказал.

– Я хочу понять, что за народ русы, – стал объяснять ему нойон. – Барсы они или овцы. Крепки или податливы. Нам ведь с ними воевать.

– Ну разве что для этого... – Старик вздохнул. – Но тогда нужно посмотреть, как русы выслушают такие условия. Я поеду в город.

– Нет, только не ты! – быстро сказал Гэрэл. И кивнул на десятников: – Кто-нибудь из них.

Нохой приосанился, расправил плечи. На Манула глянул с ненавистью.

Хочет ехать к русам, дурак. Манул-то, наоборот, весь съежился, скособочился, чтобы нойон увидел – какой из него посланец?

Замысел тысячника был ему ясен. Нохой молод, он не знает, что русы – дикари и убивают послов, даже когда те не дерзят. Так случилось пятнадцать зим назад, когда великий Субэде-багатур и великий Джучи-нойон ходили с разведкой к русским границам. Манул в том походе не участвовал, но слышал рассказы очевидцев, он уже тогда был десятником. Русы убили монгольских послов, которые пришли к ним с вежливыми словами, и пришлось задать варварам взбучку.

Гэрэл-нойон хочет, чтобы русы опять убили посланца. Тогда, согласно Великой Ясе, город нужно будет взять на саблю, а всех жителей перебить. Весть об этом разнесется по всей армии: первый бой с русами, и такой кровавый.

Очень Манул надеялся, что нойон поручит ехать на верную смерть Нохю, – тот и ростом вышел, и статью. Но Гэрэл приказал:

– Тяните жребий.

И стало Манулу тоскливо. Он был сроду невезучий. Когда у сотника тянули жребий все десять десятников – кому табун стеречь или во внеочередной дозор заступать, – он почти всегда вытаскивал короткую щепку. А тут одна не из десяти – из двух.

Тянуть пришлось из руки у телохранителя, не то Манул с болваном Нохюем сговорился бы. Но нет, судьбу не обманешь. Щепка, ясное дело, оказалась короткой. Ах, Эрлэг, Эрлэг... Бог смерти обиделся, что Манул не сделал обещанного подарка. А когда? Ведь времени не было.

Пока десятники тянули жребий, тысячник о чем-то переговаривался с шаманом.

Потом подозвал Манула, еще раз произнес невыполнимые условия сдачи и заставил повторить, слово в слово.

Манул к этому времени уже немного успокоился. Придумал, как вывернуться из лап Эрлэга.

Перво-наперво принести ему хорошую жертву: зарезать барашка и всю кровь вылить на снег.

А во-вторых, не говорить русскому нойону оскорбительных слов. Повести речь так, чтобы русы сдались по-хорошему. Ибо зачем дуть навстречу урагану?

Поэтому Манул глядел на начальника браво и повторил задание бодро. Но дальше случилось худое.

– С тобой поедет толмач, – сказал вдруг Гэрэл. – Ты говори по-монгольски, а он переведет на тюркский. Русы давно живут с кипчаками, знают язык.

– Я тоже его знаю, гуай, это мой родной язык! Мне не нужен переводчик.

– Заткнись, татарин! – Тысячник сверкнул бешеными глазами. – Исполни что велено. Толмачом с тобой отправится Калга-сэчэн. Прямо сейчас, сию минуту, езжайте.

И стало Манулу ясно, что на сей раз с Эрлэгом он не сторгуется. Барашка зарезать не успеет. А старый шаман не даст исказить слова нойона.

Русы обидятся и убьют посла. Переводчика-то отпустят. Их никогда не трогают, они всем нужны. И потом, должен же кто-то отвезти назад отрубленную голову. Это в лучшем случае. В хорезмском городе Отраре с монгольского посла содрали кожу, набили чучело соломой, посадили на осла и отправили с толмачом обратно. Потом за это великий хан, конечно, приказал убить всех жителей, сорок тысяч человек. Возможно, замученному послу из небесных угодий приятно было на это смотреть. Но мертвого Манула такое зрелище не утешит.

Выйдя из кибитки, десятник обнял Звездуху. Вот с кем расставаться жалко, остальное-то – ладно. Надо о ней позаботиться.

Кобыла учуяла тревожное. Ткнулась в Манула мордой, спросила: «Ты что? Ты что?»

Деревянный город

Ехали уже в темноте, под звездами. Впереди – шаман на смирном мерине, укутанный в одеяло поверх ватного хорезмского халата. Над головой старика мерно поднимались сизоватые клубы дыхания, к вечеру приморозило. На посланца Калга-сэчэн не оборачивался, что и понятно. Большой человек, какой ему интерес болтать с каким-то десятником. И потом, не больно приятно вести разговоры с тем, кого убьют, когда сам останешься жив. Манул бы тоже держался от такого спутника на отдалении.

Десятник сутулился, прощался с жизнью. Вспоминал всё плохое, что с ним случилось за долгие годы. Хорошие воспоминания гнал прочь. Ну и, конечно, воображал, как хорошо на просторах Небесной Степи, где в вечно зеленой траве сверкают алмазные звезды, ветер благоуханен, ручьи хрустальны, а цветы съедобны.

Только так и нужно готовиться к смерти. Дело привычное: перед каждым боем, перед каждой опасностью десятник проделывал одну и ту же подготовительную работу – припоминал жизни все удары и обиды. Потому и не робел ни в каких переделках. Но и на рожон тоже не лез. Если ты не боишься Эрлэга, это еще не значит, что нужно торопиться на встречу с ним.

Однако нынешняя поездка была хуже самого жаркого сражения. Там всегда есть надежда, что как-то выкарабкаешься. Здесь надежды не было. Манула за тем и отправили к русам, чтоб те его прикончили.

Вот, выходит, зачем родила его мать сорок девять зим назад. Вот зачем он ездил из края в край земли, убивал чужих людей, терпел лишения, залечивал раны. Гэрэл-нойону нужен повод, чтобы возвыситься. И десятник Манул – перекладина лестницы, которая хрустнет под ногой благородного нойона.

Сзади растянулись вереницей всадники эскорта. Они в город не поедут, будут ждать, когда вернется Калга-сэчэн с трупом посланца. Хорошо еще, если русы отдадут тело. Свои хоть похоронят по-людски. А русы могут и свиньям скормить. Одно слово – варвары, без закона и чести.

Воспользовавшись тем, что конники поотстали, Манул решил поговорить со Звездухой. Надо было объяснить, что ее ждет, а то еще заупрямится – она такая.

– Я оставлю тебя перед деревянным городом с хромым Дувой, а сам пересею на его чалого. Так надо, ты не ревнуй.

Нельзя было ехать на Звезде к русам. Убив посла, они заберут лошадь себе. Будут бить ее плетью, поставят на тяжелую работу, к которой Звезда непривычна. А нукер Дува знает, какая Звезда умная, и позаботится о ней.

Но кобыле не понравились его слова, она встревоженно проржала: «Зачем нам разлучаться?»

У Манула ответ был готов:

– В деревянном городе и улицы деревянные. Ты ведь не любишь ходить по доскам. Помнишь, как занозила копыто тогда, на дощатом мосту? Ты не волнуйся. Я ненадолго. Побудешь с Дувой?

«Ты меня обманываешь! Я тебе не верю!» – фыркнула Звезда и дернула крупом так, что всадник подскочил в седле.

Калга-сэчэн придержал мерина, дал Манулу подъехать.

– Я слышал, что ты сказал лошади, у меня острый слух. Однако я не понял, что она тебе ответила. Я знаю много языков, но не лошадиный.

По заинтересованному взгляду шамана Манул понял: старик не шутит, – и смутился. Никто и никогда не догадывался, что Звезда понимает человеческую речь и может говорить.

– Научишь меня? – спросил Калга-сэчэн.

Отпираться смысла не было. Зачем, если все равно скоро конец?

– Не успею, – ответил Манул, мало заботясь о том, что его слова покажутся шаману дерзкими. – Через час или два русы меня убьют. Ведь именно этого хочет царевич.

– Мало ли чего хочет царевич...

Манул сморгнул – засомневался, правильно ли расслышал. А старик как ни в чем не бывало продолжил:

– Гэрэл еще совсем молод и оттого не очень умен. Ты будешь говорить с русами не так, как велел нойон, а так, чтобы русы сдались. Зачем зря лить кровь? Ее на этой войне и без того будет много.

Калга-сэчэн вежливо потрепал Звездуху за ухо, и она не отстранилась. Должно быть, тоже слушала и удивлялась.

– Твое дело, десятник, военное. Смотри, как устроена оборона. В этом ты согласишься больше моего. А как вести переговоры, в этом больше смыслю я. Я знаю язык русов. Все два года, пока готовился Западный поход, я учился у одного кипчака. Я буду слушать, о чем русы говорят между собой, и подскажу тебе, как повернуть беседу. Они же станут думать, что я просто перевожу. Мне надо присмотреться к русскому князю и его багатурам. К каждому человеку ведет своя тропинка.

У Манула внутри происходило странное. Будто по растрескавшейся от испепеляющего зноя пустыне потекли струйки воды, и земля ожила, пустила зеленые побеги. Сразу забылось всё плохое, виденное в жизни, из памяти полезло хорошее: пьянящая скачка по весенней степи, сладость первого глотка воды из чистого родника и разное прочее. Жить, жить! А Небесные Пастбища никуда не денутся.

До этого момента Манул зяб, а тут вдруг стало тепло, даже расстегнулся. Сверху на нем была казенная волчья шуба, покрытая зеленым сукном, – выдали, чтоб не позорил монгольскую армию. Под шубой был еще ветхий тулупчик из тарбагана. Прореха на прорехе, греет плохо, но он – единственный, что напоминало о родных местах. Остальная одежда и обувь давным-давно сносились за годы непрерывающихся походов, а тарбагановая шубейка всё держалась и пахла родным нутугом. В ней Манул собирался нынче умереть, чтобы она сопровождала его и на встречу с Эрлэгом. Потому и надел вниз.

Теперь они ехали с шаманом бок о бок, но совсем близко Звездуха мерина к себе не подпускала. Характер у нее с годами делался всё труднее. Она и вообще-то других лошадей не любила, предпочитала людей, а оскопленных жеребцов на дух не выносила.

Молчали. Манулу было о чем подумать. Калга-сэчэну, надо полагать, тоже.

Про мудреца рассказывали, что в молодости он много странствовал, побывал во всех краях света. Шаманом стал, когда состарился. Это самое лучшее, что может случиться с человеком: дожить до мудрой старости и научиться слышать богов.

– Э, что это? – пробормотал Манул, приподнимаясь в стременах.

Вдоль горизонта – там, где следовало находиться деревянному городу, – мерцала красноватая полоса.

– Подождли, когда стемнело, – сказал Дува. – Огненными стрелами. Дерево, наверно, пропитано маслом или жиром. Сразу запылало.

Они смотрели на город, стоя на берегу реки. Деревянная крепость была окружена огненным кольцом. Пылали поленицы, за которыми так удобно было бы укрываться лучникам. Вот они здесь зачем, дрова: чтобы освещать подступы в ночное время. Так что подобраться к стенам незаметно все равно не удалось бы.

Город был весь алый, будто подземное царство Эрлэга, где всегда горят озера, наполненные кровью плохих людей.

– Перестань, как не стыдно! – укорил Манул свою лошадь, которая враждебно оскалилась на Дуву и клацнула зубами: не подходи. Вообще-то они были друзья, но Звездуха не забыла, что Манул собирался оставить ее с хромым.

– Успокойся. Мы поедем вместе, – шепнул он кобыле. Дуву велел: – Ждите здесь. Эскорт тоже останется. Если мы с Калга-сэчэном через два часа не вернемся, скачите к царевичу.

– Мы вернемся, – сказал Калга-сэчэн, и Манулу стало совсем спокойно. Шаманы умеют видеть будущее.

Город уже не казался десятнику царством Эрлэга. Просто деревянная крепость, вокруг которой горят большие костры.

* * *

У ворот шаман громко крикнул, приложив ко рту ладони:

– От военачальника Гэрэл-нойона посол к хану Ингварю!

Надо же – знает имя здешнего князя, удивился Манул. Он внимательно рассматривал ров и подъемный мост. В свете пламени было неплохо видно.

На башне густо стояли воины, держали луки наготове. Лязгнули цепи, мост медленно опустился. Ворота приоткрылись ненамного – только протиснуться всаднику.

– Въезжайте по одному! – приказал зычный голос по-тюркски, с резким акцентом.

Вблизи город оказался совсем чудным, ни на что виденное прежде не похожим. Лазутчики рассказывали, что неподалеку отсюда степь кончается и начинаются сплошные леса, – лишь этим могло объясняться подобное расточительство: не только дома, но даже заборы на улице были из прекрасного дерева. В степи такую древесину продавали бы на вес.

Проезжая часть вся была устлана гладкими дубовыми плашками, так что гулко постукивали копыта.

Но на странные горбатые дома и на диковинную мостовую Манул смотрел мало. Его интересовали люди, благо повсюду горели факела.

Русы стояли по обе стороны, пялились на чужих. Впереди, в две шеренги, – воины. Их десятник оглядел с особенным вниманием.

Высокие, сильные, в железных кольчугах и шлемах. Сабли прямые, длинные, а копья коротковатые и без крюка – всадника с седла сшибать неудобно. Щиты

тяжелые, широкие наверху, узкие внизу.

За спинами русских нукеров толпились горожане, к которым Манул тоже присмотрелся. Мужчины были с широкими бородами, у женщин головы обвязаны разноцветными тряпками. Лица у одних злые, у других испуганные.

Прикинул, сколько воинов, сколько жителей.

Улица вывела на небольшое поле. Называется «площадь», в городах всегда такие есть: в маленьких одна, в больших несколько.

Посередине стояла еще одна крепостца: высокий тын, из-за него торчат острые крыши. Здесь наверняка ставка русского князя.

У ворот посланца и толмача заставили спешиться.

– Я скоро вернусь, – шепнул Манул лошади. – Не волнуйся.

Прошли тесным двором в большой дом, верней сразу три дома, поставленных друг на друга, и в каждом ярусе свои оконца. Ничего, в хорезмских, персидских, болгарских городах Манул видывал дворцы и повыше. Люди, которые по доброй воле запирают себя в городах, вынуждены тесниться, им вечно не хватает места. Манул задохнулся бы от нехватки простора, доведись ему поселиться в таком жилище.

По узкой лестнице поднялись в деревянную юрту – большую, квадратную. Там горели свечи, много. Прежде чем сосредоточиться на людях, Манул быстро огляделся – потом будет не до этого.

Парадная юрта у князя русов была небогатая, не то что во дворце хорезмского бека, где Манул когда-то добыл свою чудо-саблю. Стены простые, без украшений. Только в углу, меж занавесочек, висела небольшая картинка с каким-то бородатым лицом, под ней горел малый светильник. Наверное, изображение особо чтимого предка, покровителя рода – как у китайцев. Еще были сундуки и скамьи, накрытые цветной тканью. На большом резном столе лежали ровными стопками прямоугольники – кожаные и бархатные, с серебряными оковками. Манул знал, что это такое, видел в Хорезме. Называется

«книги», там внутри тонкие-претонкие шуршащие пластинки, покрытые закорючками. Бывают и маленькие рисунки, непонятные. Книгами хорошо разводить костер, они горят лучше самого сухого хвороста. У русского князя их было штук двадцать. Манул никогда еще не встречал в одном месте столько этих красивых безделиц.

На беглый осмотр помещения ушло всего несколько мгновений, после чего десятник остановил взгляд на русах.

Трое пожилых сидели у стола. Еще трое – мальчик-подросток и две женщины, юная и старая, – стояли позади.

Главным, конечно, был тот, что сидел посередине. Седой, щуплый, близоруко щурится. Посередине лба пятнышко, круглое. То ли родимое, то ли нарисованное – может, у русов такой знак княжеского достоинства. Одет просто – ни золота, ни серебра. Слева от него, видимо, начальник войска – бычья шея, обветренное красное лицо, большие усы, крест-накрест ремни. Справа – старик в черном колпаке. Шаман или советник – точно не воин.

Видеть на переговорах рядом с нойонами женщин было необычно, поэтому Манул посмотрел и на них.

Толстая старуха с желто-белыми волосами, выбивавшимися из-под высокой узорчатой шапки, держалась прямо за князем, рукой пугливо трогала его за ворот. Ясно: старшая жена. Вторая была совсем молодая, нарядная, в красивой головной сетке из мелкого жемчуга, острым углом спускавшейся до переносицы. Эта глазела не испуганно, а скорее с любопытством. Любимая наложница или дочь? Наверное, дочь. Очень уж некрасивая: тощая, волосы белые, глаза круглые, будто у совы, и носище, как кончик сапога. Юнец, лет шестнадцати или семнадцати, конечно, был княжичем. Смотрел волчком, чуть не щерился.

Ладно, бес с ними. Важности эти трое не имели.

Только Манул подумал так, и старая женщина – вот чудо из чудес – первая, без мужнина разрешения, что-то произнесла.

Калга-сэчэн сзади почти беззвучно, не шевеля губами, перевел:

- Говорит, что мы страшные. На людей непохожи.

Сказал что-то и князь.

- Говорит: уходите, не мешайте, тут дело суровое.

Но женщины и мальчишка не ушли. Манул понял, что князь этот слабый – домашние, и те его не слушаются.

Потом главный рус обратился к монголам, по-тюркски. Этот великий язык, разделенный на множество наречий, понимала вся Степь.

- Кто вы? – спросил князь. – Почему напали на мое село? Что сделали с крестьянами? Где они?

«Откуда он знает про село? Значит, всё же кто-то сумел добраться до города. Потому и ударили тревогу. Но как? На снегу остались бы следы».

И шаман сзади тоже шепнул:

- Спроси: откуда знает?

Манул спросил:

- Напали? С чего ты взял, князь?

Рус нахмурился.

- Не пытайся меня обмануть, чужеземец. У нас еще со времен половецких набегов заведено: дважды в сутки ближе к Степи село подает знак. В полдень пускает в небо столб черного дыма. В полночь разжигает большой костер на горке, его видно за двадцать верст. Если дыма или огня сразу два, нужна

подмога. Если ни одного – село захвачено.

Манул вспомнил, что на холме близ русского села, и правда, зачем-то были сложены две кучи хвороста. Вот оно что. С такой предосторожностью монголам сталкиваться еще не приходилось. Ловко придумано.

– Говори, зачем пришли. – Старый князь хмурил белые брови, но грозно у него не выходило – взгляд был встревоженный. – Разве мы вам сделали что-то плохое? Кто вы такие?

– Четвертое, – подсказал сзади Калга-сэчэн.

По дороге, пока ехали, он подробно объяснил, как разговаривать с князем русом.

Если окажется глупый и чванный – одно.

Если глупый и робкий – второе.

Если умный и воинственный – третье.

Если умный и миролюбивый – четвертое.

Манулу тоже показалось, что русский нойон – человек умный, но не воин. Это хорошо. поймет, в чем его выгода, и сдастся. От этого всем будет лучше, кроме царевича, который еще успеет отличиться. Война ведь только начинается.

И десятник произнес речь – в точности, как велел мудрый шаман. Сказал про хана Бату, которого великий государь Угэдей, повелитель мира, назначил своим наместником в западной стороне земли. Сказал, что город русов – песчинка на пути могучего урагана. Ни остановить, ни даже задержать этот ураган никто не сможет. Что монголы – тот самый народ, который пятнадцать зим назад одним своим передовым отрядом разбил всех русских князей. И дальше говорил тоже всё, как заучил.

Мог бы особенно не стараться. Калга-сэчэн переводил на тюркский лучше, чем говорил «посол». Кое-что прибавлял от себя. Например, Манул забыл помянуть, что, если со стен полетит хоть одна стрела, все жители будут преданы смерти.

Если же покорятся, то отделаются малой платой – десятой частью имущества. Монголы заберут и десятую часть людей, но пугаться этого незачем. Мужчины, кто сильный, вольются в войско великого хана, а кто умелый – отправятся в столицу империи и увидят там много чудесного. Женщины станут монгольскими наложницами, будут жить в сытости и почете.

Хорошо объяснял, необидно. Но воинский начальник, слушая, побагровел и задвигал усами. Он, конечно, хотел драться – все воеводы одинаковые. Старик в черной шапке шевелил губами, полузакрыв глаза. Наверное, призывал духов. Бабы вели себя тихо. А юнец один раз – когда толмач сказал, что придется выйти в поле и земно поклониться ханскому полководцу, – крикнул, по-тюркски:

– Собака! Как ты смеешь!

Но князь поднял палец, и мальчишка умолк. Щеки у него запунцовели.

Напоследок Калга-сэчэн сказал еще вот что, сам от себя, потому что Манул такого и не собирался говорить:

– Посол видит, что ты мудр, и потому ведет речь без лукавства, а желает тебе добра. Мы пришли не за добычей. Мы пришли навсегда. И не остановимся, пока не дойдем до Западного Океана. Теперь мир будет единым, с одним государем. От этого всем будет хорошо. Открывайте ворота без боязни. Поклонитесь великой силе и великому закону. Если нет – погибнете. Нам придется убить вас всех без пощады, потому что это первый город русов, и мы должны показать вашему народу, что бывает за непокорство. Пожалей своих людей, князь.

На месте князя Манул согласился бы, не задумываясь. Но тот, когда толмач умолк, молвил лишь одно (шаман сзади тихонько перевел):

– Так и думал, что это татарове. Про них половцы давно толкуют. Пришли, значит... – И спросил своих: – Что скажете?

Первым опять встрял невоспитанный мальчишка:

– Вели посадить их в железа! Будут знать, как угрожать!

Старая хатун воскликнула (шаман перевел и это):

- Господи, погибель наша пришла!

Но эти - ладно. Что скажут советники?

- Ни шлема у него железного, ни кольчуги, - пробасил воевода. - Саблишка плохонькая. Половцы, и те грознее будут. Ишь чего захотели - десятину. У нас стены дубовые, ров ледяной. Зубы обломают.

Жрец был осторожней.

- Если их сила - это одно, князь. А вдруг брешет он? Может, набежали за добычей, а мы им ворота откроем. Скажи ему, князь, что своего посла к ихнему хану пошлешь. Поеду с Божьей помощью. Посмотрю, сколько их и каковы.

Одна только беловолосая девка ничего не сказала. Таращилась, пучеглазая, ладонью рот зажимала.

Да, не было у русов ни порядка, ни истинного почтения к господину. Князь ответил каждому, будто они ему ровня.

- Послов сажать в железа нельзя.

Это - сыну. Манул сразу повеселел.

Жену успокоительно погладил по руке.

Воеводе кивнул. Жрецу даже поклонился - совсем этот князь был лядащий, безо всякого величия.

Потом перешел на тюркский:

– Имущество – ладно. Коли вас в самом деле много – берите. И склониться перед вашим царем я тоже готов. Но как же я десятую часть своих людей в неволю отдам? Все они – живые души.

Голос у него был мягкий, рассудительный.

«Отвечай что хочешь, – шепнул шаман. – Только недолго».

Манул важно сложил руки на груди, продекламировал начало сказания о родословии Чингисхана: «Предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Море-Океан, кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне, а потомком их был Бата-Чиган...»

– Понимаю твои опасения, – перевел Калга-сэчэн. – Ты не хочешь, чтобы гнев подданных оборотился против тебя. Не бойся. Мы отберем десятую часть людей сами. Ты перед своими виноват не будешь.

– Что ты с косоглазым толки толкуешь, батюшка? – крикнул мальчишка. – Стены у нас крепкие, воины храбрые, и гонец за подмогой в Радомир поскакал.

Его слова, как и прежде, шаман перевел Манулу совсем тихонько. Но князь вдруг ответил сыну что-то резкое на языке, который не был похож на русский.

– Догадался, старый черт, что я понимаю по-ихнему, – прошелестел Калга-сэчэн. – А этого наречия я не знаю. Похоже на франкский. Так говорят за Срединным морем Запада. Я слышал этот гнусавый язык в городе Иерусалиме, да выучить случая не было.

Военачальник, жрец, а за ними и княжич придвинулись к старому нойону и стали говорить ему всякий свое, но шепотом – шаман не мог разобрать ни слова.

Однако по выражению лиц, по движению рук и так было понятно. Воевода и мальчишка за то, чтобы биться; жрец – за переговоры. Старуха просто стояла и кудахтала, безо всякого смысла. Дочка хлопала глазами, на ресницах посверкивали слезинки.

Князь молчал, всех слушал, сам ничего не говорил. Лицо у него было несчастное, слабое. Сейчас сдастся, подумал Манул.

– Скажи, что подмоги не будет, – шепнул Калга-сэчэн.

– Если рассчитываете на помощь – зря, – сказал Манул. – Город обложен. Вашего гонца мы перехватили.

Шаман перевел, прибавив: «Да и нет на свете подмоги, которая могла бы вас спасти от монгольского войска».

Тут князь поднял руку. Невысоко и нерезко, но все разом умолкли.

Обратился он не к Манулу, а к Калга-сэчэну, глядя ему прямо в глаза. Догадался, значит, кто на самом деле главный.

– Мне Господь людей доверил. Как я их отдам? Они не мои, они Божьи. Хотите силой взять – берите. Как Бог рассудит, Его воля. А я против своей души не пойду. Тело погубить – полбеда. Душу погубить – вот настоящая беда.

Шаман тоже сказал ему напрямую, без Манула:

– Умный человек знает: лучше лишиться части, чем всего.

– Части или чести? – спросил князь. – Не расслышал я.

Улыбнулся Калга-сэчэн, повторять не стал.

– Утром выйдешь на стену, увидишь все наше войско – еще не поздно будет одуматься. Выходи за ворота, снимай шапку, вставай на колени. Мой господин горяч, но меня слушает. Я не дам ему вас убить. А начнешь воевать – ничего сделать не смогу. Ответишь перед моим господином по всей строгости.

– Я не перед твоим господином, я перед Богом отвечу, – тихо сказал рус. – Ступайте. Поговорили.

Уже за городскими воротами, под сыплющимся в лицо мелким снегом, Калга-сэчэн грустно молвил:

– Хороший князь. Погибнет, жалко. Хороших князей на свете мало.

– Может, завтра передумает, когда увидит, сколько нас, – беспечно ответил Манул, радуясь жизни, свободе, а больше всего – простору, особенно сладостному после тесноты деревянного города. – К нашей тысяче, поди, еще подкрепления подойдут.

«Мы опять разошлись с Эрлэгом, – шепнул он Звезде. – Надолго ли, нет ли, поглядим завтра».

На саблю

В ставку к Гэрэл-нойону вернулись за полночь. Об ответе русского князя рассказал Калга-сэчэн. Манул остался у порога юрты, ждал, не спросит ли о чем тысячник. Беседы больших людей Манул почти не слышал – только отрывистые реплики Гэрэла, потому что шаман говорил очень тихо.

– Ха! Они отказались! – воскликнул царевич. И потом еще несколько раз повторил такое же, радостное.

Послушал еще – хлопнул в ладоши:

– Прикажу поднимать сотни. Ударим на рассвете.

Но Калга-сэчэн покачал головой, пошептал еще. Зачем-то показал через плечо на Манула.

– Хорошо, я его выслушаю. Эй, татарский кот, расскажи, много ли у русов воинов и хороши ли.

– На улице я видел около ста нукеров в кольчугах, с железными щитами, в крепких шлемах. Еще не меньше полусотни должны были оставаться на стенах. Нукеры высокие, сильные, биться будут стойко.

– Всего-то? – расстроился нойон. – А много ли в городе мужчин, способных драться?

У Манула был готов ответ и на это.

– Сотни три. Но у них только дубины да топоры.

– А ты говорил, попросить подмоги у Хутуг-нойона, – укорил Гэрэл шамана. – Не даст темник, только высмеет. Эх, жалко! Как придут осадные машины, выступаем.

Понятно, зачем царевичу хотелось подкреплений. Чтобы почувствовать себя настоящим полководцем. Чем больше воинов, тем крупнее сражение и тем громче слава.

– Еще там женщины... – продолжил Манул.

Нойон пренебрежительно махнул рукой, но Калга-сэчэн объяснил неопытному:

– Когда со стен льют горящее масло, неважно, кто это делает. Есть страны, где женщины бьются наравне с мужчинами, как это делали тангутки. И есть страны, где женщины прячутся по домам, как было в Хорезмском царстве. Что ты думаешь о женщинах русов, десятник? Ты ведь не зря о них заговорил?

– Будут биться. У них широкие лбы, сильные плечи. И они не прячут глаз.

Царевич немного поразмыслил и довольно облизнул губы.

– Хутуг воевал с тангутами. Значит, поймет про сильных женщин. Крепость, в которой почти тысяча защитников, – это уже не очень маленькая крепость... – Благосклонно посмотрел на Манула. – Ты хорошо исполнил задание, татарский кот. Казенную шубу можешь оставить себе, в награду. Десятник, а ходишь, как последний богол.

Наградную шубу Манул сразу же выменял у другого десятника на китайскую попону. Она была легкая и тонкая, но очень теплая. У Звездухи с возрастом шерсть на крупе поредела, в крепкий мороз лошадь дрожала от холода.

Легли рядом, укрылись. Было хорошо, уютно.

В молодости Манул засыпал сразу. Теперь подолгу лежал, думал. Приятно, когда мысли начинают перемешиваться с мечтами и предсонными видениями.

Сегодня, из-за мороза и вьюги, привиделась жаркая страна Индия, куда Нижнеорхонский тумен ходил шестнадцать зим назад. Поход был тяжелый, пало много лошадей. Звездуха тоже заболела, укушенная ядовитой змеей, но, слава Тенгри, поправилась.

У индийцев Манулу понравилась их вера. Будто бы, умирая, человек попадает не в Небесные Пастбища или в черное царство Эрлэга, а вновь оказывается на земле, только переселяется в иное тело. Если прожил жизнь честно, возродишься с повышением – например, нойоном. А если был подл, вроде рябого Нохоя, то запросто можешь превратиться в паука или сколопендру. И очень возможно, что так оно всё после смерти и будет, потому что это справедливо. Вот бы Звездуха родилась женщиной, тогда можно было бы на ней жениться. Или самому родиться конем. Ускакали бы вдвоем от людей в зеленые степи и никто им был бы не нужен.

От смешной мечты Манул улыбнулся, прижался щекой к горячей лошадиной шее и скоро уснул.

* * *

Часа три всего поспали. Потом, задолго до зари, прибыл обоз с китайскими машинами, и тысяча поднялась.

Уже в тусклых рассветных сумерках, вблизи от реки и города, догнала подмога – еще две тысячи всадников.

Гэрэл-нойон сидел в седле под своим белохвостым бунчуком, гордо подбоченившись. Двух тысячников, назначенных во временное подчинение, приветствовал по-дружески, но в то же время дал понять: командует здесь он, и он – царевич. Проехал вдоль длинной колонны чужих воинов, здороваясь. Его молодой, звонкий голос, полный радости и силы, далеко разносился по степи. Нукеры оглушительно орал в ответ.

Хороший получится полководец, когда повзрослеет, думал Манул. Если только будет слушать Калга-сэчэна.

Шаман на своем понуром мерине все время ехал за царевичем, не отставал.

К полудню окружили город со всех сторон. Чтоб не делиться славой, Гэрэл поставил чужие тысячи в оцепление, а свою расположил у реки, под обрывом – там, откуда начнется приступ.

Приготовления к штурму Манул видел много раз. Всё было привычное, понятное без объяснений. Сердце в предчувствии опасности стучало быстрее обычного, но не так бешено, как в молодости. Десятник всё больше поглядывал вверх, на низкие облака: выглянет из-за них хмурая рожа Эрлэга или нет. Бога смерти было не видно, но это еще ничего не значило. Проклятый убийца любит выскочить неожиданно, без предупреждения. Сегодня уж он своего не упустит. Его день. Коли русы не открыли ворот, увидев черное от воинов поле и осадные орудия, значит, битвы не избежать. Такова воля Тенгри.

Пока что распоряжался инженер-китаец, хорошо знавший свою работу. Четыре стенобитных камнемета уже стояли на кромке берега, собранные и готовые к бою. Булгарские пехотинцы из конвоя подгоняли захваченных в селе русов – те катили снизу, от реки большие камни.

Гэрэл велел пригнать к городу всех жителей села, кроме маленьких детей. Каждый принес на себе по большому мешку шерсти, ее в амбарах было очень много. Зачем мешки – ясно: будут кидать в ров.

Все работали сноровисто, но без суеты. Торопиться было некуда. Раньше темноты дело не начнется. Зачем подставляться под прицельную стрельбу городских лучников?

С последним отсветом дня машины метнули несколько камней, чтобы рассчитать правильную дистанцию. Раз попав в цель, останавливались. Теперь можно будет стрелять и в темноте.

Лишь свет померк, пошла потеха. Видно не было, но зато как было слышно!

Скрипели и ухали катапульты, свистел рассекаемый воздух, издали доносился хруст, будто там трещали и ломались чьи-то кости.

Так продолжалось час или полтора.

Потом – Манул стоял близко – инженер подошел к группе всадников, над которой чернел бунчук с двумя хвостами, и что-то доложил.

Трижды ударил барабан. Дааа! Дааа! Дааа!

– Огненными, ребята! – крикнул своим Манул, выезжая в поле. – Смотрите, куда попадет моя, и бейте так же!

Один из двух колчанов у воинов сегодня был наполнен огненными стрелами. Наконечник у таких обмотан просмоленной тряпицей. Она горит долго, погасить ее трудно. На расстоянии выстрела от стены Манул остановился. Щелкнул кресалом, запалил. Поднял лук почти вертикально, натянул тетиву до предела. Алая точка прорисовала в небе неторопливую ровную дугу, попала куда следовало. И сразу черный воздух наполнился сотнями точно таких же красных искр. Некоторые не долетали – падали в снег, гасли. Иные перелетали в город. Но большинство попадали в деревянную стену. Верней, в то, что от нее осталось.

Поленницы дров выгорели еще в прошлую ночь, когда русы ждали нападения, но света хватило и от горящих стрел. Скоро в темноте проступил багровый силуэт города, и стало видно, что осадные орудия поработали на славу. В стене зияла широкая брешь, обломки бревен торчали из нее, словно прутья.

Опять зазвучал барабан. Теперь он бил размеренно и нечасто, но уже не умолкая. Да! Да! Да! Да!

Это был сигнал к началу штурма.

Манул перекинул ногу через седло, достал кус вяленого мяса, стал жевать. Время нукеров еще не наступило.

Булгарская пешая сотня погнала вперед крестьян. Из-за навьюченных мешков с шерстью те казались в темноте головастиками. Булгары покрикивали, раздавали направо и налево удары древками копий. Бабы жалобно вскрикивали. Всё это Манул тоже видел множество раз. Интересно было лишь одно: станут русы стрелять по своим или нет.

Не стали.

Вот темный ком толпы выкатился к самой стене, на освещенное место, а стрелы так и не полетели. Русы мягки волей, это хорошо. В бою имеет значение только урон врагу, а кто жалостлив – тот слабак. Кажется, бой будет недолгим.

Добежав до рва, крестьяне сбрасывали в него шерсть и разбегались кто куда. Булгары их не преследовали. Все равно дальше оцепления не убегут.

Теперь настала очередь самих булгар. Вояки они неважные, но и задача у них нетрудная: отвлечь защитников на те две минуты, которые понадобятся монгольским воинам, чтобы добраться до стен.

Барабан загудел требовательно и быстро. Да-да-да-да-да-да!

Пора.

Выпрямившись в седле, Манул крикнул:

– Вперед, ребята!

Сейчас нужно вскачь подлететь к самой стене и там спешиться. Умных лошадей можно не стреноживать, они привычные. Побегут за Звездухой, будут ждать хозяев вдали от боя.

Сотни одна за другой уходили во тьму, будто ныряли в воду. Вынырнут на освещенном месте, в двух десятках шагов от рва.

Манул несся не в самом первом ряду, дураков нет, но и не в гуще, где тесно. Держался прямо за спиной у сотника Ухты. Тот всегда лез в бой очертя голову. Есть такие люди, которые любят дразнить Эрлэга. Они или быстро умирают, или становятся героями. Ухте всего двадцать два года, а он уже сотник, и многие называют его «Ухта-багатур».

Вдруг Ухта исчез. Словно сгинул. Манул не успел удивиться, потому что провалился сквозь землю. В самом прямом смысле.

В снегу зияла невесть как образовавшаяся дыра, и они с Звездухой туда рухнули.

Лошадь пронзительно вскрикнула. Манул отлетел в сторону, ударился спиной и боком о твердую мерзлую стенку. Это его и спасло – что отлетел. Сверху в яму посыпались люди и лошади, они раздавили бы Манула.

Это был еще один ров, потайной! Прикрытый досками и дерном, он выдержал пеших, но проломился под конными!

Ни при одной из многочисленных осад Манул с такой хитрой предосторожностью не сталкивался. Проклятые русы!

Всадники в ловушку больше не падали, задние успели придержать коней, однако приступ, по-видимому, захлебнулся. Отовсюду неслись растерянные крики. Кто-то вопил «вперед!», кто-то «куда вперед?», кто-то призывал повернуть обратно, кто-то орал от боли. Воздух наполнился свистом стрел, и многие из них, видимо, достигали цели.

Но Манулу сейчас не было дела ни до приступа, ни до гибнущих нукеров. Он смотрел, как бьется в судорогах Звездуха. Из ее шеи торчало мокрое острие деревянного кола. Другое пронзило бедняжке бок. Кобыла хрипела от невыносимой боли, вытаращенный от муки глаз смотрел на хозяина, и в нем читалась мольба.

Не выполнить ее было нельзя. Манул выдернул из ножен саблю и перерубил страдальце горло, а потом ударил еще раз – отсек всю голову, чтобы смерть наступила сразу.

В земляную стенку ударила струя крови. Непроизвольно Манул подставил ладонь, будто хотел исправить то, что уже не исправишь, и ладонь обожгло горячей влагой.

– Что делать, Манул-мэргэн? – спросил кто-то из темноты.

Другой голос сказал:

– Манул-мэргэн, у меня сломана рука, но левая. Я могу держать саблю.

Лишь теперь Манул увидел, что во рву есть живые люди, и немало. Лошади погибли все – кто угодил на колья, кто сломал себе хребет, но всадники по большей части уцелели.

Что делать, Манулу было ясно. Поскорей схватить за бороду Эрлэга. Чтобы догнать дух Звездухи, пока не отлетел слишком далеко.

– Вылезаем! – крикнул десятник и полез из ямы первым.

У него получилось быстрее, чем у остальных. Другие воины были в чешуйчатых куяках или в доспехах из грубой воловьей кожи, в обшитых железом бычьих шлемах, а Манул, когда намечалась пешая рубка, предпочитал обходиться без доспехов. Латы и кольчуги хороши, если идешь под стрелы, а в ночном бою на городских улицах важнее всего подвижность и увертливость.

Вылез, огляделся. Увидел: дела плохи. Среди смешавшихся воинов – конных, пеших – метался Гэрэл-нойон, кричал сорванным голосом. Рядом был Калга-сэчэн

и что-то говорил царевичу, но тот не слушал. Сотни не шли вперед, не отступали назад, то есть случилось самое скверное, что только может произойти с войском: замешательство.

С другой стороны рва, у стен, было еще хуже. Булгары, ринувшиеся было в брешь, почти все погибли. Защитники добивали последних. Сам-то ров был закидан мешками до краев, но со стены вниз летели факела, и шерсть уже вовсю горела. Там, в черном дыму, в алом пламени, отчетливо промелькнула глумливая физиономия Эрлэга. К нему Манул и кинулся.

Жилистый, кривоногий, согнутый, как тугое древко лука, десятник бежал прямо в огонь, шепча: «Вот он я, бери!»

Сзади донесся крик Гэрэл-нойона:

– За ним! За татарским котом! Спешиться и в ров! Вперед!

Верхние, пылающие мешки Манул скинул. По тем, что внизу, идти было можно. С хищным шелестом в шерсть, около самой ступни, вонзилась стрела. По плечу, едва задев, чиркнула еще одна.

Но бог смерти не торопился брать к себе Манула. Эрлэг отступил в самую брешь и манил оттуда.

Что ж, в брешь так в брешь.

Перескакивая через бревна, Манул пробежал через пролом. Навстречу кинулись два руса – воин в доспехах и мужик в белой перепоясанной рубахе. Не раздумывая, не рассчитывая движений, а просто повинуясь навыку и чутью, десятник увернулся от топора, отбил удар меча. Скользящим ударом рубанул неловкого горожанина по голове. С воином пришлось немного повозиться. Тот был обучен клинковому бою, и хоть отступал, но под саблю не подставлялся. Тогда Манул применил китайский прием, безотказный. Упал на землю и,

изогнувшись по-змеиному, подсек русу щиколотку, а когда тот рухнул, добил прямым ударом.

В пролом сзади уже лезли монгольские нукеры, где-то там мелькал белый лисий малахай Гэрэл-нойона, но Манулу хотелось не драться среди своих, а поскорее погибнуть.

Эрлэг издевался над ним – отбежал на городскую улицу, корчил рожи из-за спин русов.

– Ах, вот ты как?! – рассвирепел Манул. – Думаешь, отступлюсь?

Десятник побежал вперед. Желание умереть не означало, что он собирается отдать русам свою жизнь задарма. Нет уж, всё будет честно.

Манул бросался туда, где островерхие шлемы и белые рубахи были гуще, но, ввязавшись в драку, бился без дураков.

Русы были храбры, но неопытны. Даже по воинам чувствовалось, что в настоящей схватке они никогда не бывали, а уж горожане и вовсе ни на что не годились – только саблю о них тупить. Несколько раз на пути у прорубавшегося вперед десятника возникали и женщины – с топором, с вилами, одна даже с копьем. Манул справлялся с каждой двумя короткими движениями: первым отбивал неуклюжий удар, вторым рассекал мягкое тело. Задержки от таких столкновений не происходило.

На улице было светло, как на заре. Монгольские стрелы, перелетевшие через стену, запалили крыши домов, там и сям поверху металась языки пламени.

Эрлэгу надоело играть в прятки. Манул вновь увидел его среди сомкнутых щитов: небольшая группа русских воинов пятилась к площади. Их вел за собой какой-то военачальник. Манул подумал – тот самый воевода. Но воевода был высокий и статный, а этот, в блестящем шлеме и алом плаще, едва доставал дружинникам до плеча.

Старый князь – вот кто это был. А воевода, должно быть, сложил голову в сече у пролома.

Хоть Манул и думал сейчас только о смерти, но привычка войны подсказала: нельзя допустить, чтобы русский нойон с воинами отступили в деревянный дворец и заперли за собой ворота. Осадные орудия в город не затащить, а значит, придется лезть на бревенчатый частокол. Бой затянется неизвестно насколько, погибнет много монгольских воинов.

- Эй, сюда! - крикнул Манул, подзывая своих. - За мной!

Быстрее!

Русы уже допятились до ворот, заполнили неширокий двор.

Десятник заколебался. Можно было ринуться вперед, на копья, прямо в объятия Эрлэгу, тут уж бог смерти от встречи не отвертится. А можно было поступить, как предписывал долг, - помочь победе.

Уходить из жизни по-жюльнически Манул посовестился. Еще неизвестно, попадет ли воин, пренебрегший своим долгом, на Небесные Пастбища.

Поэтому во двор Манул в одиночку не сунулся, а выдернул из-за спины лук, из колчана стрелу и быстро, навскид, пустил ее в старого князя.

Тот был в крепких латах, в шлеме с железной маской, прикрывавшей половину лица, но Манул умел сшибать стремительную ласточку на лету, а русский нойон стоял почти неподвижно. Меткая стрела вошла ему точно в глаз.

Воины закричали, кинулись поднимать упавшего. Произошла заминка, и нукеры успели через площадь добежать до ворот. Тут и обороне настал конец - всегда так бывает, когда падет военачальник. Русы уже не дрались, а пытались спрятаться или убежать. Как будто это было возможно.

Во дворе, на высокой лестнице, в тесных переходах терема - десятник искал Эрлэга повсюду. Однако бог больше не появлялся. То ли в милость, то ли в наказание он решил сегодня оставить Манула в живых. Забирал всех подряд, направо и налево, одна сабля Манула подарила ему не меньше дюжины жизней, а десятника смерть не тронула.

Когда стало ясно, что умереть не удастся и придется жить дальше, с Манула словно хмель сошел.

Бой почти закончен. Город взят. Наступило время добычи.

Вот ведь не мила ему теперь была добыча. Зачем она? Раньше выменял бы на что-нибудь для Звездухи: ладный чепрак, уздечку хорошей кожи, новый потник под седло. Но Звездухи больше нет, а самому ему ничего не надо.

И всё же закон жизни таков: она продолжается до тех пор, пока не закончится. И требует своего. Прежде всего – соблюдения привычек и обыкновений, которые и есть жизнь.

Где находится парадная комната, в которой шли переговоры, Манул помнил. Туда и побежал.

Добрался до хорошего места первым, раньше других нукеров.

Вот куда, оказывается, унесли убитого князя. Он лежал на скамье, стрелу из глаза уже выдернули. Ни слуг, ни дружинников рядом не было – разбежались. Около покойника на коленях стояли толстая хатун, некрасивая девка в жемчужной сетке на белых волосах и невоспитанный юнец. Шаман в черной шапочке и длинном, тоже черном одеянии, наклонившись над мертвецом, зачем-то совал ему в сложенные на груди руки маленькую свечку.

Все разом обернулись.

Старого шамана Манул зарубил сразу, чтобы не успел наслать каких-нибудь злых чар. Старуху – потому что очень уж пронзительно завопила. Мальчишка вскочил, схватился за пояс (у него там висел тонкий и короткий меч в узорчатых ножнах), да и замер, весь побледнев. Этого десятник убивать не стал, а просто оглушил ударом кулака. Сзади в дверь уже сунулись другие нукеры, и Манул им крикнул:

– Здесь всё мое!

Но воины были из другой сотни, Манула не знали и не послушались. Один бросился сдирать с мертвого князя сафьяновые сапоги, другой схватил со стола самую нарядную книгу и давай вертеть в руках – никогда не видел. Третий сорвал с обеспамятевшего княжича его похожий на игрушку меч.

Не драться же с ними?

Осталась Манулу одна девка. Она забилась в угол, закрыла голову руками.

Деловито оглядев княжну, десятник сдернул с ее волос жемчужную сетку. Под сеткой на лбу было точно такое же пятно, как у старого нойона, – видимо, все-таки родимое. Застывшие от ужаса глаза пялились на Манула. Он схватил тонкие запястья, оглядел пальцы – нет ли колец. Она зажмурилась, взвизгнула. Колец не было, и десятник девку оттолкнул.

– Не ори, – сказал он по-тюркски. – Никто тебя не тронет. Закон запрещает.

Это раньше, до Великой Ясы, после боя женщин насиловали. Теперь нельзя. Все пленные становятся собственностью хана. Строго говоря, вся захваченная добыча тоже. Но если нукер заберет себе пару мелочей, не отягощающих седельные сумки, это ничего.

Манул оглядел комнату – нет ли еще чего. Взял одну книгу, самую маленькую и легкую, с цветными рисунками. Потому что пришла в голову одна хорошая мысль.

* * *

Вдали мерно, сдвоенными ударами (на-зад! на-зад! на-зад!), созывал воинов барабан.

Город взят. В темноте шастать по улицам и домам нечего. Пускай жители и уцелевшие дружинники прячутся. Все равно никуда не денутся.

Утром, как положено, главный юртчи со своими сборщиками всюду пройдут, во всякую щель заглянут и соберут всё ценное, а людей сгонят в одно место, на сортировку.

Манул шел по горячей улице. Вокруг возбужденно орали и гоготали нукеры – радовались победе и тому, что остались живы. Это всегда так после удачного боя, а неудачных боев у монгольской армии не бывает. Плакал один только Манул. И оттого, что все вокруг ликовали, чувствовал себя совсем-совсем одиноким. А каким еще он мог себя чувствовать? Теперь Манул остался на свете один. Ах, Эрлэг, Эрлэг, черная душа. Даже щадя караешь...

Теперь все будут жарить мясо, пить молочную водку и хвастаться своими подвигами. В поле люди главного юртчи, верно, уж развели костры и зарезали баранов.

А Манулу нужно было достойно похоронить Звездуху. Лучше всего – прямо во рву, где она погибла. Приставить к туловищу отсеченную голову. Укрыть попоной. Сделать щедрое подношение богу Тенгри, чтобы отвел лошадиной душе хороший луг, где она в довольстве дожидалась бы хозяина. Как бы Эрлэг ни кобенился, человека, который твердо решил умереть, надолго на свете не удержишь.

Вдруг Манул вздрогнул.

Плакал не он один. Впереди, там, где войска через пролом ворвались в город, кто-то тоже горестно выл. И никто в том месте не орал, никто не хохотал.

Что такое?

Плакал и причитал Гэрэл-нойон. Он сидел на корточках, размазывал по лицу слезы. Перед царевичем на земле лежал Калга-сэчэн. Из его груди, прямо из сердца, торчала стрела, но шаман был еще жив. Он слабо улыбался.

– Закрыв собой нойона, – рассказали воины. – Говорит, не выдергивайте стрелу, не то сразу помру. А так, говорит, успею с жизнью попрощаться...

Стало Манулу совсем тоскливо. Он подошел близко, стал смотреть, как умирает хороший человек. Эх, лучше бы стрела попала в царевича!

Гэрэл-нойон говорил смертельно раненому:

– Я сам закрою твои глаза, учитель. Я велю насыпать над твоей могилой высокий-превысокий курган, как делают кипчаки.

– Не надо ждать... – Голос старика был едва слышен. – Я еще день проживу или даже два, пока кровь не застынет. А ты веди воинов к темнику Хутуг-нойону. Не теряй времени, царевич. Пока во всем войске один ты победитель. Скоро таких будет много... Пусть меня отнесут в юрту и поставят шест с черным значком. Хочу перед смертью привести душу в порядок. Один. Прощай, мой мальчик. Помни, чему я тебя учил...

И обессиленно закрыл глаза. Умолк.

С рыданием Гэрэл поднялся, крикнул:

– Поставьте на берегу реки мою юрту! Шкуру сюда, самую мягкую!
И носильщиков!

Пока царевич грозил носильщикам, объяснял, что с ними сделает, если они неплавно понесут раненого, Манул улучил момент – попрощался с мудрецом.

– Вот. – Достал из-за пазухи книгу. – Хотел тебе подарить. Русские заклинания. Но тебе теперь не надо...

– А, Манул. Жив... – прошептал Калга-сэчэн и улыбнулся. Говорить ему было трудно. – Это хорошо. Почему же. Не надо. Надо. Подложи вместо. Подушки. А то голова. Низко.

Так Манул и сделал. Наклонившись к самому уху шамана, сказал главное – то, для чего взял подарок. Хоть Калга-сэчэн и помрет, но так еще лучше выйдет.

– Когда переплывешь через черную реку, гуай, посмотри, нет ли там моей лошади. Помнишь ее? Не перепутай. У нее звездочка вот здесь. И звать ее Звездуха, она на имя откликается. Увидишь – скажи, пусть меня подождет. Я скоро.

Но глаза шамана были закрыты. Он, кажется, уже ничего не слышал.

Вернулась?

На грязно-белом, затоптанном поле между рекой и городом двумя черными линиями были выстроены пленные русы. Одна шеренга лицом к реке, другая – к городу.

Напротив стояли готовые к походу поредевшие сотни. Нукеры сидели в седлах хмурые и злые. Ночное веселье обернулось утренним похмельем. Многие товарищи легли в братскую могилу – тот самый проклятый ров, теперь засыпанный землей.

Гэрэл-нойон уже объявил, что все жители злого города, за исключением немногих, нужных казне, будут умерщвлены. Горожане пока не знали, что почти все они сейчас умрут, но чувствовали в зловещем молчании желтолицых всадников страшное и испуганно жались друг к другу. Строй, однако, покидать было нельзя. Кто попытался, лежали на снегу, пронзенные стрелами.

Прислужники главного юртчи, ведавшего сбором добычи, уже разделили всё, вынесенное из домов и отнятое у жителей, на кучи. Серебро, хорошие ткани, красивую посуду отдельно; оружие отдельно; железные вещи отдельно. Теперь оставалось отобрать русов, которые пойдут в полон. Ждали тысячника – он скажет, сколько рабов ему угодно забрать себе и пожаловать отличившимся при штурме.

Но царевич всё не выходил из белой юрты, поставленной на дне неглубокой балки, – чтобы меньше донимал ледяной ветер. Над юртой торчал шест с черной тряпкой – знаком того, что внутри находится умирающий, который хочет уединения.

Наконец Гэрэл вышел, утирая рукавом слезы.

Манул стоял неподалеку и слышал, как тысячник разговаривал с помощниками.

Отвечая на вопрос, сказал:

– Нет, еще жив. Но велел не ждать. Выступаем прямо сейчас. Посчитали потери?

Ему назвали цифру, которой Манул не расслышал. Цифра наверняка была большая. У него в сотне выбыло две трети воинов, в том числе храбрый Ухтабагатур. Правда, сотня шла в атаку первой и потеряла много людей во рву с кольями.

– Проклятый город! – воскликнул Гэрэл. – Чего вы ждете? Отберите для ставки нужных ремесленников. Сотникам дайте кому что положено по Ясе, а мне из этого змеиного гнезда никого не нужно. Всех остальных убейте! Дайте убежать двоим или троим. Пускай остальные русы узнают, как монголы поступают с непокорными.

Его опять о чем-то спросили.

– Оставлю здесь сотню убитого Ухты, все равно от нее теперь мало проку. Она всё и сделает.

Здесь нойон посмотрел вокруг, словно кого-то выглядывая, и вдруг показал пальцем на Манула.

– Эй ты, ко мне!

Раньше Манул забеспокоился бы – вдруг в чем провинился, но теперь ему было все равно. Когда из жизни уходит радость, вместе с ней уходит страх.

Подъехал, спешился, преклонил колени.

– Ты молодец, – сказал царевич. – Первым бросился в пролом. Назначаю тебя сотником вместо Ухты.

Манул не поверил ушам. Неужто нойон забыл, что татарину путь в сотники заказан?

Нет, не забыл.

– За тебя, татарский кот, просил Калга-сэчэн. Его благодари. И похорони как следует. Если вернусь и увижу, что курган мал, – пеняй на себя.

– Я остаюсь здесь, гуай? – изумленно спросил Манул. Воистину сегодня был удивительный день. – А как же война?

– От твоей сотни все равно мало что осталось, а за здешними краями нужен пригляд. Этих псов, – царевич кивнул на горожан, – всех убей. Город сожги. Мою юрту, как похоронишь учителя, тоже сожги – пусть отправляется с ним на тот свет. К осени, к новому походу, набери и обучи мне полную сотню. Поставишь здесь, на берегу, свой курень. Поднимешь бунчук. Ты теперь не десятник, а сотник. Со всеми правами сотника. Радуйся, татарин. Тебе повезло.

Гэрэл махнул рукой – барабан забил выступление. Через четверть часа на поле остались только пленные, юртчи с помощниками да сотня Манула – одно название, что сотня: тридцать два человека вместе с командиром.

Сотник! Полноправный, не временный!

Вот она такая, жизнь. Вот почему никогда нельзя от нее откаться. Только что всё отняла – и тут же щедро одарила.

Сотник – это не десятник. У сотника своя юрта и однохвостый бунчук, видный издалека. Сотнику положено два богала для услужения. И, главное, можно завести жену. Манул думал, что у него никогда не будет ни семьи, ни детей. А теперь – можно!

Второй подарок, что оставляют здесь. До следующей осени далеко, почти целый год. Тенгри всемогущий, как же надоели войны и походы! Просто пожить на одном месте, ни за кем не гоняясь, никого не убивая...

Тут же он вспомнил, что убить все-таки придется. Прямо сейчас и многих. Тысячу человек, если не больше.

Был бы рядом с царевичем Калга-сэчэн, обошлось бы без резни. Это в прежние времена к чужеземным народам относились, будто к диким зверям: окружить, переубивать, шкуры содрать. Теперь же, по новому закону, объявленному всем туменам, велено беречь завоеванные племена, как домашний скот: не забивать, дочиста не обирать, доить и стричь. Так оно и разумней, и выгодней.

Хотя нойона тоже можно понять. Очень уж он огорчился из-за шамана.

* * *

Своих немногочисленных всадников Манул расставил редкой цепью, приказав стрелять всякого руса, кто без позволения отделится от остальных.

Сам пристроился к юртчи, медленно шагавшему вдоль шеренги пленных. Переводчик-половец спрашивал, есть ли хорошие мастера, и какие. Спрашивал мирно, не грозно, чтоб не пугались.

Были плотники, печники, кровельщики – этих юртчи не брал. В степи они не нужны. Иное дело – кузнецы, скорняжники, ткачи. Их отводили в сторону – туда, где лежала добыча. Еще юртчи на свой страх и риск, хоть царевич и не велел, отобрал несколько особенно плечистых парней и самых красивых девок – какие потолще, помясистее и чтоб нос-глаза не слишком большие. Девки, дуры, как одна, закатили рев. Не понимали своего счастья.

Смотреть, как Эрлэг сортирует людей на живых и мертвых, было неприятно, но Манул увязался за юртчи не из праздного любопытства.

Ему теперь полагалось два раба, и одного хорошо бы взять нынче же. Конюха, чтоб ходил за лошадьми, – сотнику самому невместно. Да и не хотелось. Это было бы все равно что изменить Звездухе, зарытой в мерзлую землю.

По просьбе Манула переводчик спрашивал и про конюхов.

Один понравился. Пожилой, но крепкий, со смирным взглядом и весь пропахший конским потом, хорошим запахом. Служил при княжьем конюшне.

- Поди-ка туда, - показал Манул рабу туда, где стояли те, кому суждено жить.

Хотел вернуться к воинам, и тут увидел знакомую беловолосую девку, у которой отобрал жемчужную сетку. Помощник юртчи тянул пленницу за руку, хотел отвести к красавицам, хоть княжья дочь была нехороша собой. Один Тенгри знает, чем она приглянулась юртчи. Может, белой кожей. Или редким цветом волос. Княжья дочь упиралась, не хотела разлучаться с братом - этот тоже был здесь. Распухшее от удара Манулова кулака ухо побагровело и торчало, будто лепешка.

Но княжьей дочерью девка была в прошлой жизни, а теперь стала просто рабыней. Помощник юртчи ударил ее нагайкой по спине и оттащил, куда положено.

А Манул уже прикидывал, как половчей исполнить поганую работу. Посчитал. После отсева зарезать придется около девятисот человек. Почти по тридцать голов на нукера, не шутка.

Ничего, не первый раз. Правила известны. Их не дураки придумывали.

Шестерых самых метких лучников Манул оставил в седле - стрелять тех, кто побежит.

Потом приказал воинам разделить пленных на группы по двадцать пять человек. Групп получилось тридцать шесть, последняя неполная.

Воинов за вычетом стрелков тоже было двадцать пять. Собрав их вокруг себя, Манул объяснил, как делается дело, - здесь были и новички, кто никогда городов не захватывал.

– Главное – быстрота. Каждый берет по одному.левой рукой обхватываешь голову, ладонью прикрываешь глаза, чтобы ничего не видел. В правой нож. Рраз, и готово. Ударит струя крови, не замочитесь – вот так. Потом идем, забираем следующих.

Юртчи закончил свою работу. Можно было приступать.

Отогнали первую группу вниз, под обрыв – чтобы толпа не видела, как убивают, и не заметалась.

Нукеры спешили. Неопытным Манул велел брать маленьких детей – с ними совсем просто.

Сказал:

– Давайте!

Сам остался наверху – смотреть, как оно пойдет.

Бывалые воины справились быстро, зеленые – по-разному. У кого-то дрожали руки, кому-то досталась слишком брыкливая жертва, но этим помогли товарищи. В общем и целом для первого раза получилось неплохо.

– Идем за следующими, ребята, – велел Манул. – Работы много, а зимний день короткий.

На спуске остались двадцать пять трупов, больших и маленьких, да красные пятна. Пададь пролежит здесь всю зиму, а весной, в половодье, река унесет мертвецов прочь.

Вторую группу отвели в другое место, поодаль. Управились еще быстрее, но Манул уже отметил молодого нукера – низкорослого кипчака по имени Коротышка, который замешкался в прошлый раз и теперь опять не удержал пленника, хотя это был щуплый мальчишка лет семи. На беглеца пришлось потратить стрелу, а Коротышке сотник показал еще раз, как режут горло. Нукер кусал белые губы. С парнем надо было еще работать и работать.

Когда пошли за третьей группой, толпа уже знала, что происходит под берегом. Догадались. Потому что удравший мальчишка громко вопил, да и нукеры все-таки перемазались в крови.

Это всегда так бывает. Довольно скоро те, кого еще не убили, понимают, какая судьба им уготована. Но это мало что меняет. Люди, когда они согнаны в кучу, будто перестают быть людьми, превращаются в овец.

Казалось бы, бросая они сейчас врассыпную и многие бы спаслись. Но нет. Пробуют убежать только самые смелые. Вон они, лежат, у каждого по стреле в спине. Человек десять таких набралось. Остальные прижались друг к другу. Шести всадников с луками вполне достаточно, чтобы удерживать толпу чуть не в тысячу человек.

Главный секрет – резать не на виду у остальных, а отводить подальше. Тогда все будут стоять и ждать. На что надеются? Загадка.

Одни плакали и обнимались, другие молились, а кто-то лег ничком на снег и заткнул уши. Манул подумал, что он, наверное, тоже так лег бы, попрощался с жизнью. Припомнил бы ей всё плохое. А потом встал бы и побежал. Умереть от стрелы лучше, чем от ножа. Хотя это, конечно, как кому.

Помощники юртчи надевали отобранным в рабство счастливым канги – деревянные колодки. Счастливые уже поняли, что они счастливые, и послушно подставляли шею.

– Нагайками их, нагайками, – посоветовал Манул воинам, потому что третья группа шла к берегу медленно, упиралась. – А то до ночи не управимся.

И снова Коротышка оплошал. Ему достался тот самый юнец, княжий сын. Вроде и не сопротивлялся, стоял смиренно, стучал зубами, а нукер никак.

– Ты что, у себя в нутге никогда баранов не резал? – терпеливо сказал Манул. – Человека резать проще. Не нужно бояться, что шкуру больше нужного испортишь. Смотри и учись.

Он подошел, зажал русу локтем лицо.

– Держишь вот так. И на себя, чтоб горло подставить. Ножом ведешь без усилия, легко, наискось...

Что-то зашуршало по снежному склону.

Прямо под ноги сотнику скатилась беловолосая девка, обхватила его за гутулы, крикнула по-тюрски:

– Не убивай брата!

Манул сначала ужасно удивился. Как это ей удалось убежать и остаться живой? Но потом увидел, что из шейной колодки сзади торчит стрела, и понял: девке повезло, канга спасла.

– Не убивай его! – просила девка, глядя снизу умоляющими глазами. – Рабой твоей буду! Что хочешь сделаю! Богом клянусь!

Сотник хотел толкнуть ее кулаком в лоб, но рука замерла на полпути.

На лбу у девки была круглая коричневая родинка величиной с горошину. Это пятнышко Манул заметил еще вчера, когда сорвал жемчужную сетку, но не придавал значения. А сейчас вдруг пронзило: точь-в-точь как звездочка у Звездухи! И вспомнилась мечта перед боем, в котором погибла лошадь. Про индийцев, которые верят в переселение душ. Тамошние женщины рисуют себе на лбу такие же круглые точки!

А что если...

– Ты вернулась? – спросил он по-монгольски.

Звездуха бы поняла.

Но девка повторила по-тюрски:

– Я буду твоя душой и телом. Сколько живу. Только пощади брата.

И зачем-то ткнула себя двумя пальцами в лоб, в живот и потом в оба плеча.

Пусть даже и не Звездуха, размышлял Манул. Девка некрасивая, но крепкая, молодая. И смелая. Не побоялась стрел. Взять что ли ее в жены? Жить здесь долго, до следующей осени. А там наверняка начнется новая война. Монголку в этом дальнем краю все равно не найти. Эта по крайней мере будет благодарна.

– Ладно, – сказал он на понятном ей языке. – Возьму тебя и его. Забирай своего брата. Веди его к начальнику обоза, скажи, сотник Манул велел снять с тебя кангу. Сидите там, ждите.

Теперь придется отказаться от конюха, отослать его назад, на смерть. Жалко. Но сотнику больше двух рабов не положено.

Часть вторая

Мир

В Преисподней

Поп Микита когда-то учил на уроках Слова Божия, что Преисподня жаркая и огнепламенная, уязвляющая грешников искрами, обжигающая алыми угольями.

Неправда. Всё неправда.

В Преисподней нет ни жара, ни тепла. Ибо тепло – жизнь, а Преисподня – смерть. Она ледяная-снежная, и цвет ее – белый.

Эта истина, как многие другие, злые, впервые открылась Солонию, когда он стоял ни жив, ни мертв и трясся – от холода, от ужаса, от воспоминания об овчинном запахе убийства, который, казалось, впечатался в лицо, смятое рукой татарского сатаны. Кривоногий, криворожий, с глазами-трещинками и еще одной длинной трещиной, рассекавшей харю сверху донизу, Сатана только что собирался убить Солония, перерезать ему беззащитное, выпяченное вперед горло кровавым ножом. Потом что-то произошло – Солоний не видел и не слышал, он был не в себе – но только хваткие лапы его выпустили, и стало снова можно дышать, а потом Фила, сестра, невесть откуда взявшаяся, потащила его куда-то вверх и что-то шептала, приговаривала, обнимала.

И вот он стоял на ветру, по-над обрывом, трясся, думал про белую Преисподню. Фила подобрала с земли тулуп и шапку, одежды вокруг валялось много – некоторые люди, перед тем как их убивали, почему-то начинали все с себя срывать, – и надела на брата. Теплее ему не стало, и дрожать он не перестал, но будто бы вернулось зрение, или, вернее сказать, раздвинулось. Только что видел на полсажени вперед да на столько же в стороны, а дальше тьма, теперь же узрел все окружное: горящий Свиристель, воющую толпу, всадников в острых малахях, снежное поле, реку.

Они с Филой стояли сами по себе, вдвоем. Пообочь, возле телег, кучкой теснились люди с деревянными ступами на шее. Он узнал Ладоню-кузнеца и девку из матушкиной вышивальни, только имени не вспомнил. На поле поглядел – поскорей отвернулся. Там, вертясь в седле, распорядился Сатана, махал рукой, и его присные били плетками, гнали на убой новых агнцев.

– Я понял, Фила, – сказал Солоний чужим скрипучим голосом. – Мы все ночью убиты. Меня черт татарский еще тогда кончил, заодно с батюшкой, матушкой и отцом Микитой. И тебя тоже убили. Просто они в рай пошли, а у нас тут – ад, для грешных. Это мытарства, нам назначенные.

Сестра потрянула его за плечи, прижалась губами к уху, зашептала:

– Очнись, Солоша. Не время! Пока не глядит никто, прыгай вниз, вываляйся в снегу и по бережку, по бережку. Спасайся, Солоша. Не то угонят со мною в

полон, сгинешь. Беги!

Дыхание у нее было теплое, губы горячие, и от этого он будто оттаял. Если в ледяном аду есть что-то теплое и даже горячее, то есть и надежда. Так ему в тот миг помнилось.

Встрепенувшись, княжич обернулся, поглядел вниз. Скатиться по белому крутому склону легко. Побежать вдоль Крайны-реки, до излучины. Там Заячий овраг. Он длинный, по нему можно уйти чуть не до самой Кольшиной рощи. И всё, не сыщут.

«Бежим вместе!» – хотел он сказать Филе. Но посмотрел на нее – и не сказал. Фила тонкая, хрупкая, нет в ней никакой силы. Увязнет в снегу, ослабнет. Сама пропадет, и его задержит. И, главное, даже если доберется с ним до березовой рощи – что потом? Куда с девкой по холоду? До Радомира тридцать верст. Не дойдет.

А всё же сказал:

– Бежим со мной. Как-нибудь Бог выручит.

Но она качнула головой:

– Нельзя. Я Ему поклялась: спасет тебя – останусь рабой татарской.

Солоний не очень понял, о чем она, но настаивать не стал.

– Я тоже клянусь, перед Господом. Вернусь. Сыщу тебя хоть на краю земли. И вызволю. А татарина, сатану косорылого, найду и за батюшку с матушкой отомщу! Убью!

– Беги, мститель, – сказала Фила. Коротко оглянулась и вдруг с неожиданной силой толкнула брата в грудь.

Он покатился по спуску. Вскочил, весь облепленный снегом, хотел махнуть ей на прощанье рукой, но сестру было уже не видно.

Тогда пригнулся, побежал, бормоча «убью, убью, убью!».

Два раза, уже в овраге, останавливался перевести дыхание, однако ненадолго. А упал, вконец обессиленный, уже в роще, среди голых деревьев. Это всё были березы, покрытые коркой льда и такие же белые, как пустое безжизненное поле. Очень скоро княжич замерз, и мир снова начал казаться ему Преисподней.

Благомысленные византийские мудрецы из батюшкиных книг писали, что Божий Мир – многоцветный сад, исполненный чудес и красот, но они не знали правды. Мир – ледяная пустыня, и в ней только три цвета: белый – мертвенного холода, красный – пролитой крови и черный – пепелища. А правит в сем аду щелеглазый Сатана с рассеченной наискось рожой. Она и сейчас нависала над закоченевшим беглецом.

Увидев татарина в самый первый раз, еще не зная, что это сам Всепогубитель, Солоний испытал странное омерзение, словно по голому хребту проползла скользкая змея. А ведь бес тогда был почти один, толмач не в счет. Раздавить бы его, и ничего бы не было. Эх, батюшка-батюшка. Мудр был, а Солоний глуп, но если б мудрец послушался глупца, глядишь, и спасся бы...

Второй раз Сатана явился княжичу во всей своей силе, окруженный багровыми сполохами. Солоний стоял у теремного окошка, смотрел на сечу у ворот княжьего подворья, сжимал кулаки.

Отец не дозволил идти в бой. Уж как Солоний упрашивал. Ведь не мальчик, семнадцать лет. Из самострела бьет метко и с мечом ловок, сам Матьяш-воевода говорит, что лучше ученика у него не бывало. Но батюшка сказал: «В доспехах биться не то, что налегке махать. Не сдюжишь».

А кто сам запрещал доспехи носить? «Кость у тебя еще тонкая. Коли рано начнешь железо на плечах таскать, не вырастешь. Останешься, как я – недомерком» – это кто повторял?

Отец был добрый, мягкий, но когда заговорит таким голосом, спорить с ним было нельзя. Остался Солоний в тереме. Батюшка на прощанье обнял, наказал: «Мать, сестру на тебя оставляю. Защити». И ушел.

Через час или два, когда город стал весь светлый от множества пожаров, отец вернулся с малой ватагой дружинников. Тут-то княжич и увидал Сатану – узнал издали по волчьей повадке, по длинным рукам, по кривым ногам.

Татарин вскинул лук – и батюшка повалился. Солоний так страшно закричал, что мать с сестрой, без умолку плакавшие, враз умолкли.

А в третий раз Сатана явился, когда Микита над отцом читал заупокой. Страшней того, что тогда случилось, ничего нет и быть не может. Даже когда Сатана на берегу хотел горло резать, не так содрогательно было, из-за тупого оцепенения.

Однако именно воспоминание о бараньем запахе и грязном рукаве, сдавившем лицо, заставило княжича подняться и побрести дальше, через рощу. Не для того он спасся от татарского ножа, чтобы замерзнуть под голый березой. И клятвы перед Господом просто так не даются. Нужно поскорей добраться до Радомира, вернуться с дружиной и всё исполнить: Филу спасти, Сатану истребить.

О том, что поганые могли уже добраться и до Радомира, княжич думать не захотел.

Пройти надо было без малого тридцать верст, да не по дороге, а полем. Хорошо, наст здесь, на гладком просторе, был крепкий, обветренный, прогибался под шагами, но держал.

Солоний шел и плакал, всё не мог остановиться. Очень было себя жалко. Отца с матерью, сестру, всех погибших и плененных тоже, но больше всего себя. За то, что верил добрым и умным книгам, а они оказались ложью.

Слезы текли без остановки и были соленые. Под стать имени.

Батюшка, книжник, назвал своих детей по-ученому, не как в других княжеских семьях. Старшего сына – Тимоном, что означает «честь», ибо для наследника княжеского стола нет ничего важнее чести. Дочь нарек Филоменой, это «Сильная Любовью». Для женщины, говорил отец, самое главное – любовь. Младшему сыну выбрал для крещения имя Солоний, «Мудрый». Было, конечно,

как положено, и родовое имя, Олег, в честь великого пращура Олега Святославича, от кого все они, Ольговичи, произошли, но так младшего княжича никто не звал, только Солонием.

«Как сам себя зовешь, таким и станешь, – говорил отец. – И если проживешь честно под стать имени, то в старости получишь самую лучшую награду – мудрость. В молодые годы ей взяться рано, но на то есть мудрые книги. Не умствуй, а исполняй, что там написано. В зрелости поймешь». И заставлял учить наизусть слово князя Владимира Всеволодовича Мономаха, оставленное сыновьям: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится».

Батюшка и сам учил своих сыновей не хуже Мономаха. Объяснял, что родиться князем – не удача, а великая тягота и суровое испытание. Обычный человек только за себя ответчик, так жить и спастись легко. А князь Богом поставлен своих людей оберегать, и этот его долг даже превышает заботы о спасении собственной души.

В последнее время Солонию хотелось жить своим умом, обо всем иметь незаемное суждение, и он с отцом часто спорил – это поощрялось.

Осенью поймали шайку лютых разбойников, грабивших поречные деревни. Стали злодеям головы рубить. Солоний возьми и пристань к отцу с ехидством и укоризной. Как же, дескать, ты учил: «Будь с людьми милостив, награждай за дело щедро, а за вины взыскивай снисходительно», сам же вот головы рубишь? Ведь и в Новом Завете речено «не убий»? Отец ему со вздохом: «Государю по Новому Завету жить нельзя. Хотел я когда-то, но скоро понял – пустое мечтание. Править можно только по Завету Ветхому, где око за око и зуб за зуб. Враг нагрянет – не щеку подставляй, а своих защищай. Злодеев казни, чтобы иным неповадно было. Мы не святые монахи, мы князья. Вся надежда, что Бог на Страшном Суде простит нам вины, потому что грешили не за себя, а за люди своя. Если же ты боишься Его кары – уходи со стола. Иди в монастырь, спасай свою душу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/boh-i-shel-ma-sbornik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)